

[Polaris]

ЖЕЛЕЗНАЯ

ЗЕМЛЯ

Фантастика русской эмиграции

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXVIII

Salamandra P.V.V.

ЖЕЛЕЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Фантастика русской эмиграции

Том I

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Железная земля: Фантастика русской эмиграции. Том I. Сост. и комм. М. Фоменко. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 158 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXVIII).

В сборник включены некоторые редкие и в большинстве своем никогда ранее не переиздававшиеся фантастические произведения писателей русской эмиграции, затерянные на страницах эмигрантской периодики 1920-х годов.

В книге представлена разноплановая фантастика — от сравнительно «твердой НФ» до фантастики мистической, сказочной и юмористической, традиционных «святочных рассказов» и т.д. Разнятся между собой и авторы: наряду с известными именами читатель найдет здесь и забытых литераторов, чьи произведения, однако, не менее характерны для фантастики эмиграции.

© Authors, estate, 2016

© М. Fomenko, комментарии, 2016

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2016

ЖЕЛЕЗНАЯ ЗЕМЛЯ

В. Никифоров-Волгин

КОШМАР

Чахлая, без цветов и трав равнина. Курганы. Гнилые кресты. Ржавые проволочные заграждения. Скелет лошади. Череп человека.

Кружится сухой ветер, вздымая песчаную пыль.

Одичавшая большая дорога с опрокинутыми телеграфными столбами и заросшими бурьяном колеями.

У края дороги, в просветах обожженных берез, развалины большого монастыря.

Уцелевший ржавый купол молится сизому, заведеревшему небу.

Вместо белых голубей витают над монастырем жирные вороны.

Степной ветер звенит ржавыми телеграфными проводами.

Дико и пусто, как во времена печенега.

По дороге плетутся двое. Старый и молодой.

Одеты в тряпье. Землисто-синие лица. Большая развинченная походка.

У старика прогнивший проваленный нос.

Ветер треплет грязно-мочальную бороду.

Молодому лет двенадцать. Широкое обезьянье лицо с низким лбом. Тусклый блеск маленьких злых глаз. Длинные волосатые руки с крючковатыми, мышинового цвета, пальцами.

Лицо и руки в багровых наростах.

— В-о-о-л-к-а... а-у о, скорно? — дико, рывком спрашивает мальчик.

Старик гнусавит сиплым шуршащим голосом:

— Волга не скоро. Верст пятнадцать. Заночуем в монастыре. Я устал...

— Завчужем... а-о... уах-ли... — соглашается мальчик.

— Как ты плохо, Демоненок, говоришь по-русски! У тебя волчий, лесной язык.

— Гай... гы? — указывая на курган грязным мясистым пальцем, спрашивает Демоненок.

— Это могилы. Покойники лежат. Красные и белые солдаты. Война была здесь. Братоубийственная...

Демоненок гогочет. Ему весело. По земле хромот ворон.

— Лапу сломал, — говорит старик. — Поймай его и тащи сюда.

Демоненок волчьими прыжками подбежал к ворону, схватил его за крылья и принес старику.

Тот взял его за лапы и ударил о телеграфный столб.

Демоненок при взгляде на кровавую разможенную голову ворона заурчал как зверь и облизнул губы длинным толстым языком.

— Жрать! Жра-ать! — тянулись к мертвому ворону цепкие обезьяньи руки мальчика.

— Погоди, — отстранял его старик. — Придем на ночлег, там и поедем.

Демоненок подошел к телеграфному столбу, жадно стал облизывать на нем следы крови и урчать звериным восторгом.

Старик шел слабой, заплетающейся походкой сифилитика, изредка смахивая что-то с лица, словно приставала к нему паутина.

Рука была серой, как мышьяная шерсть, в багровых гниющих наростах.

Надвинулся сумрак, когда они дошли до развалин монастыря и укрылись под каменными сводами полуразрушенной часовни.

Вспыхивала молния и гремел гром. Наползали злоеющие черные тучи.

— Ыгы-гы... а? — спросил Демоненок и протянул старику ржавый георгиевский крест.

Старик взял крестик, покачал головой, обнял Демоненка и стал говорить:

— Слушай, Демоненок... Была Россия...

— Рос... Рас... — с усилием повторял мальчик, стараясь врезать в мозг это неведомое и чужое для него слово.

— Кругом была жизнь. Работали фабрики.

Мчались поезда, нагруженные товаром. Были университеты. Книги. Чистые женщины. Много было солнца. Много было радости...

Демоненок не понимал его, не слушал, но старик продолжал говорить, поникнув головой.

— Новая мораль о раскрепощении пола, о свободе страстей и о любви — как половом голоде, Россией была воспринята с таким энтузиазмом и шумом, с каким не встречались в свое время великие писатели старой ушедшей жизни — Достоевский, Толстой, Тургенев...

Свобода полового разгула вошла в моду. Была узаконена и даже установлен был праздник в честь торжествующей плоти, на котором творилось нечто неописуемое по своей животной разнузданности.

Насилия над женщинами считались подвигом. О нем хвастались. Чубаровщина была идеалом юноши, вступающего в жизнь.

Все, что напоминало о чистоте и красоте ушедших дней, было смято, задушено и сожжено.

Страшное было время... Рождались дети и мы давали им новые имена... Тебя я назвал Демоном...

При упоминании своего имени Демоненок закивал головой и загоготал .

— Да, страшное было время... Вся Россия от края до края, севера и юга, как гангреной была охвачена стихийным развратом...

В 19.. году в России появилась неведомая медицине, новая венерическая болезнь, прозванная «головой смерти».

На теле больного появлялись крупные багровые наросты с тремя черными впадинами, имеющие сходство с черепом.

Наросты разъедали все тело. В короткий срок больной превращался в гниющий кровоточащий труп и медленно, в страшных мучениях, умирал.

Впервые эта болезнь появилась в Заволожье, о чем и было сообщено по радио совету старост.

Тревоге, с которой было передано это известие, не придали значения и жизнь России шла своим чередом.

Народился новый человек. Был он расслабленным и хилым, с полузвериными повадками.

Рождалось много идиотов. Вся Россия представляла из себя зловонный разлагающийся труп.

Случайный европеец, попадая в русский край, надолго уносил кошмарное воспоминание о людях, похожих на те-ней с полузвериными лицами, заживо гниющих...

Старик всхлипывал и, обнимая сына, шептал в тоске и отчаянии:

— Ты ведь мой! Плоть от плоти, кость от кости... Мною зачатый и мною зараженный... Прости меня... прости... Будь проклята наша жизнь, отнявшая радости наши маленькие, такие хрупкие... нежные...

И, поднимая руки к черному грозовому небу, он кричал шипящим сиплым криком:

— Проклятый я человек! Порази меня! Убей меня, Боже! Демоненок глядел на отца и хохотал.

Н. Смирнова

ФАНТАЗИЯ И РЕАЛИЗМ

Прочла в номере старого журнала фантастический рассказ о медике екатерининского времени докторе Черном, который, увлекшись учением алхимика-чудодея Калиостро, задумал изобрести сонный эликсир и случайно для себя, наглотавшись паров от жидкости, заснул на триста лет. Жизнь за это время так успела перемениться, что он, проснувшись, не мог никак примениться к ней, вместе с тем она давала для него, как для ученого, столько увлекательно-нового: он хватался за медицину, за философию, за литературу и, казалось, проживи он еще столько же, сколько прожил, ему никогда не усвоить всего, что дала новая жизнь. Раз, бродя по улицам Петербурга, он попал под колеса электрического трамвая и ему оторвало голову.

После него остался флакон с жидкостью, но он куда-то затерялся.

На этом кончается рассказ. Так было тогда, но вот что случится, если применить фабулу рассказа к современной жизни.

Молодой офицер, корнет гвардии, один из правнуков доктора, которому нужно было после отпуска отправиться на фронт, нашел флакон с жидкостью, поднес его к носу — и заснул, но не на триста лет, а на три года.

Проснулся над раскрытым чемоданом и ему показалось, что он спал только несколько минут.

Собрался, одел офицерскую шинель и вышел на улицу.

Его поразила сразу темнота и мертвенность улиц: нигде ни души...

Наконец встретил странного человека в штатском платье, но с ружьем за плечами.

— Ваш пропуск, товарищ?

— Какой пропуск? Вы никакого пропуска от меня требовать не можете. Да и какой я Вам товарищ?

— Вы что, пьяны, или с луны свалились? Знаете, что после девяти часов нельзя быть на улице без разрешения комиссара?...

— Какого комиссара?..

Милицонер поднес к лицу офицера электрический фонарик, и перед его изумленными глазами засверкали золо-

тым блеском офицерские погоны. Крикнул и на его призыв откуда-то вынырнули еще три фигуры с ружьями за плечами...

— Белогвардеец — офицер, золотопогонник...

— Куда его? В комиссариат? Нет, это птица важная, прямо в чека.

Сопротивлялся, но трое были сильнее одного. Шел и раздумывал над странностью положений и над слышанным словом «чека». Вспомнилась по ассоциации сказочка из детской хрестоматии «Ось и чека», но там чека была частью телеги, потом смешная детская песенка — «палочка-выручалочка, чека, чека, чекалочка...»

Тащили по улицам, таким знакомым и вместе совершенно неизвестным: трава посреди улиц, разобранные торцовая мостовая, заколоченные окна, глядевшие как мертвые глаза.

Остановился...

— Купите мне папирос, все равно каких... вот деньги...
— вынул несколько романовских марок...

Ну и типично: золотые погоны, деньги монархические, папирос просит... все равно каких, а у людей хлеба нет.

Вот знакомая парадная и шумная еще несколько часов Морская, Невский, думская каланча и, наконец, Европейская гостиница, где, по его мнению, он кутил еще сегодня вечером с товарищами.

Еще так недавно в отдельном кабинете он пил шампанское и его обнимала юная и нежная, как мадонна Мурильо, корифейка балета. Он ясно помнит даже все свои мысли. Он думал о том, как хороша жизнь и молодость, как радостна любовь женщины... и зачем война?... Он был на счету отличного офицера, любимого товарищами и подчиненными, но вечная опасность, боязнь каждую минуту быть убитым и искалеченным, все это увеличило в его глазах ценность жизни. Он думал тогда о первых днях войны, когда он самоотверженно вынес на руках из-под неприятельского огня раненого товарища. Теперь он этого не сделал бы, если бы он кого и взял бы на руки, то, пожалуй, только хорошенькую, маленькую женщину...

Да, он ясно помнит все, что было несколько часов назад... А теперь... Куда-то исчез важный, толстый швейцар и лакеи, нет драпировок и растений.

В двери, на которых мелом была написана цифра один, они вошли. На бархатных креслах сидели два человека в кожаных куртках с кобурами. Наганы за поясом.

— Откуда?

— Опоздали немного, сейчас только товарищ Григорьев отправил в штаб Духонина 30 человек.

Начался короткий допрос, в котором ни та, ни другая сторона ничего не понимала.

Решили, что он симулирует сумасшедшего, но он бело-гвардеец и ярый монархист...

Кожаный чемодан, щегольский френч и лакированные сапоги помогли ускорить развязку.

— Товарищ Григорьев, а Вы прогадали, поторопились вчера, эти сапоги будут мои...

— Что же, мы его в расход запишем?

— Да, конечно, в штаб Духонина...

— Генерал Духонин? кажется, на юго-западном фронте? — спросил недоумевающе офицер.

— Перестаньте бредить, идите за мной...

Вдруг инстинктом понял опасность, стал сопротивляться как молодое животное, почувствовавшее опасность для своей жизни. Но его насильно стащили во двор в бетонный сарай и бросили на пол.

Вскоре вошел чекист и коротко приказал: встаньте к стенке!

— Зачем?

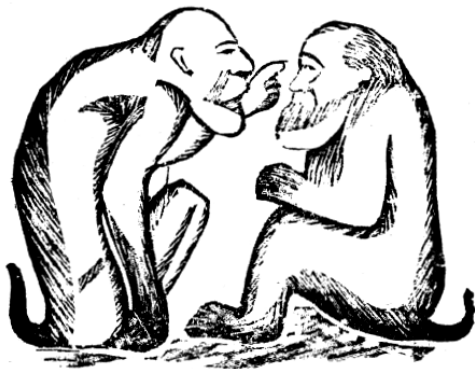
— К стенке, говорят вам, к стенке!...

Измученный, избитый, покорно повиновался...

Чекист подошел, приставил к виску кружок дула и выстрелил...

**Представители науки и спорта через триста летъ
послѣ омоложенія по теоріи д-ра Воронова.**

1.

1) О чемъ грустите коллега?

2) Ищу человѣка... Я изобрѣлъ способъ укоротить вѣкъ, но разширить умственный кругозоръ себѣ *полюбыхъ*...

1) Эхъ, дружище, все это вздоръ, вѣдь и триста лѣтъ тому назадъ человѣкъ былъ рѣдкость,—все двуногое въ большинствѣ также обезьяны были...

2.

— Я доволенъ.. Званіе *человѣка*, — обязываетъ. А теперь я просто—футболистъ: и могу жить просто, откровенно, не притворяясь разумнымъ существомъ!

С. Серый

НА СВЯТКАХ

Сказка

— А приятно, доложу я вам, гулять по земле с официальным разрешением. Чувствуешь себя совершенно свободным гражданином. Да здравствует свобода! Уррра!

— Фу ты, черт! Ишь разорался!

— Я к вашим услугам!

— Это еще что за харя? Пошел к черту!

— Гм... Трудновато будет! Да я и не хочу сейчас! У меня разрешение... Официальное разрешение на право свободного разгуливания по планете Земле, понимаете?

— Да кто ты такой? Какого черта тебе, наконец, надо!

— Кто я? Я — черт! Рождественский черт! Самый настоящий. Извольте сами убедиться: вот под шляпой — рога, хвост — кончик даже не скрыт, копыта в ботинках... Ну, относительно копыт вы мне на слово поверите. А вы тоже хороши! Только что меня приглашали, а теперь уже ругаетесь. Сознаюсь, я вел себя несколько шумно, но ведь поймайте — официальное разрешение! И я, как видите, гуляю.

Черт с таинственным видом потянулся к уху незнакомца.

— Знаете, я даже в ресторанчик заглянул. Понимаете? Для храбрости не мешает? А прехорошенькая, доложу я вам, девочка в этом ресторане. — Черт умильно облизнулся. — Вот бы вам туда, а?

— Мне? Черт тебя подери! Мне жрать нечего, а ты в ресторан...

— Фи, фи, свободный гражданин и... жрать нечего! Как же это вам не стыдно, а?

Незнакомец насупился.

— Я — эмигрант.

— Эмигрант?!

Наступило неловкое молчание.

— Так ты черт, говоришь?

— Так точно! Вот официальное удостов...

— Фу! Привязался... Черт, а черт! Купи у меня душу.

Черт даже подпрыгнул от радости, но, как черт коммерческий, решил действовать по всем правилам торгового искусства.

— Да, знаете ли...я справлюсь... у меня денег при себе нет!..

— Врешь, мерзавец! — и черт почувствовал, что ноги его задрывали в воздухе, а по хвосту разлилась какая-то тупая боль.

— Я... согласен!

— Давай деньги, если согласен.

— Ско-сколько?

— Двадцать тысяч! На первый раз хватит!

— Уф, какая дешевка! — подумал черт и облегченно вздохнул.

— Письменное условие надо было бы, подпись кровью, — добавил он вслух.

— Только-то?? Пиши.

— Сейчас, сейчас... У меня готовые бланки-с! Так-с! Извольте подписаться.

Незнакомец разрезал ножом палец и подписался.

Черт отсчитал двадцать тыс. и протянул их эмигранту. Тот их пересчитал, сунул в карман шинели и деньги и условие, угостил черта хорошим щелчком в нос и, засвистав опереточную арию, отправился восвояси.

Черт возмутился.

— Г-н эмигрант! Я условие-то? Нехорошо обманывать!

Эмигрант остановился.

— Черт! Хочешь еще душ купить?

Черт опять сделал размышляющую физиономию.

— А почему?

— Недорого! Зато я тебе несколько тысяч душ представляю.

— Несколько тысяч? — радостно крикнул черт. — Да еще так дешево! Сейчас души-то, наверное, не меньше миллиона стоят. Вот это ловко. Да я сразу в премьеры попаду за особые отличия.

— Ну что же, согласен?

— Согласен! Вот только как это мы все оборудуем?

— Мы, т. е. ты, открываем бюро по покупке душ. Понятно? Я его оборудую: найму помещение, закажу вывеску, сделаю в газетах объявление, а тебе остается только засесть

завтра часов с 9 утра в это бюро и дело в шляпе. Ну как, согласен?

— Да, пожалуй... По рукам, что ли?

— Да нет уж! Много чести! До завтра!

— А условице-то на вашу душу?

— Оставляю в залог. Завтра получишь! — прозвучало в ответ и незнакомец скрылся в окружавшем их тумане.

Увидав что собеседник скрылся, черт три раза перевернулся в воздухе и завопил радостно-прерадостно, но, заметив полицейского, сразу же принял вид вполне лояльного и благонамеренного гражданина.

— Телеграммку-с, необходимо телеграммку с докладом, — и черт, схватив бумагу, набросал на ней ногтем:

«Его сатанинскому величеству.

Открыл контору по покупке эмигрантских душ. Дело идет превосходно. За один день приобрел 1205 штук по цене 20 тыс. за штуку. Израсходовано 24.100.000. Пришлите еще денег. Завтра продолжаю.

Черт №2376».

Написав телеграмму, черт побежал и отпустил ее в трубу, а сам, рассевшись с важным видом в кресле, закурил сигару. Очевидно, с непривычки курить — не думаю, чтобы сигара плохая — черт расчихался и, бросив сигару на пол, принялся перелистывать купчие на эмигрантские души. Пересчитав их раз и еще раз, черт радостно потер руки.

— Вот это — дельце, вот ком-би-на-ци-я! Ух, насилу говорил! Ну и слова у этих людей! В премьеры, не иначе...

Вдруг труба с треском обвалилась.

— Ага! ответ.

Среди обломков действительно лежало что-то вроде раскаленной чугунной плиты с огромными огненными буква-

ми, от которой на версту пахло адом. Черт подскочил к ней, понюхал и начал читать.

— «Идиот!» Гм, «идиот» — странное обращение, — пробормотал он.

«Вместо того, чтобы тратить 24.100.000, проще было бы купить газету за 6 мар. и посмотреть курс биржи.

Сатана».

Черт в волнении схватил газету и, достав словарь, начал вертеть ее со всех сторон.

— Гм... н-ничего не понимаю, — и несчастный оторвал почти половину своего хвоста.

— Да, вот здесь, кажется... да, да... курс иностранной валюты. 1 фунт стерлингов — 1750 — не то... 100 крон — 10.000 — не то, 1.000 польских марок — не то, а вот, вот — 1.000 эмигрантских душ... Что? тире! не котируются! У-уу...

Бедный черт жалобно застонал, вырвал последние остатки хвоста и... провалился.

Так-таки и провалился. Провалился, даже не захватив с собой 1205 контрактов, подписанных по всем правилам дьявольского ритуала. Лишь маленькая струйка синего дыма на кресле досадно оттеняла то место, где за минуту перед этим сидел владелец и собственник предприятия, на вывеске которого аршинными буквами было написано: «Бюро по коммерческим сделкам и эмигрантскими душам».

Плохо, очень плохо пришлось черту на докладе у его сатанинского величества. Но не в лучшем положении очутились и продавшие свои души эмигранты. Сатана даром денег не платит. Все полученные ими тысячи превратились в не что иное, как в клочки старой газетной бумаги. Да и газета — то была не то «Ленинградская Правда», не то «Красная» — большевистская, другими словами.

А. Аверченко

ВЫХОДЕЦ С ТОГО СВЕТА

В этот прекрасный сочельник не так много и выпили: на троих — Подходцева, Клинкова и меня — пришлось восемь бутылок бордо, конечно, не считая коньяка, потому что зачем же его считать?

Мы только немного больше, чем нужно, покраснелись и совсем капельку расшумелись: Подходцев напялил на голову пуншевую миску и потребовал, чтобы мы воздали ему королевские почести.

Что будешь делать — воздали.

Дом, в котором нас терпели, был большой, старый, заброшенный... Кривая старуха, которая однажды легкомысленно предоставила нам верхний этаж — на весь недолгий остаток своей жизни сохранила на исковерканном временем лице — выражение тупой паники и ужаса.

Потанцевали, попели. Потом притихли. Подходцев сел на ковер около дивана, на котором разбросался пухлый Клинков, положил кудрявую голову на клинковский живот и, полузакрыв глаза, только сказал:

— Сейчас полночь сочельника. По статутам в это времечко появляются в подобных домах привидения. Где они, спрашивается?

И капризно dokonчил:

— Хочу привидений! Человек, полпорции привидения недожаренного, с кровью!

— Прикажете притушить свет? — с притворной угодливостью спросил я, продолжая воздавать этому наглomu человечешке королевские почести.

— Да, притуши, братец. Нельзя, чтобы горело четное число свечей. Вдруг мы да напьемся, да у нас будет двоиться в глазах — как мы это узнаем? А при нечетном числе, когда покажется четное — значит, мы хватили лишнее. Так и будем знать.

Ах, и голова же был этот Подходцев! С такой головой можно дослужиться или до министерского портфеля, или до каторжной тачки.

Немного выпили.

— Хочу привидение! — прозвенел повелительный голос Подходцева.

И он мелодично запел:

— Умру, похоронят, как не жил на свете!..

Мы — я и Клинков — призадумались.

Взгрустнулось. Вспомнился отчий дом, приветливые лица семьи, вспомнилось, как нас с Клинковым свирепо драли, когда мы, выкрасив кота чернилами, выпустили это маркое чудовище на изящных гостей гостеприимной семьи моих родителей.

В самом дальнем заброшенном углу нашей огромной комнаты, где кривая старуха свалила всю ненужную рухлядь — китайские ширмы, поломанные стулья и плетеные ветхие корзины с разным дразгом — в этом темном углу послышался шелест. Огромные ширмы с полуоторванным панно заколебались, съехали концом на корзину — и бледное мертвое существо, на котором пыльная хламида болталась, как на вешалке, — тихо выплыло перед нами.

Мы отвели глаза от этого странного призрака и косо поглядели друг на друга. В двух парах глаз я прочел то же, что и они в моих глазах: мы все трое видели одно и то же.

— Серенькое, — задумчиво сказал Подходцев, разглядывая призрака.

— Ничего особенного, — добавил Клинков, всегда игравший при Подходцеве вторую скрипку.

Моя деликатная, гостеприимная натура возмутилась.

— Ослы вы полосатые! Никогда вы ни от чего не приходите в восторг и ко всему относитесь с критикой! Какого вам рожна еще нужно?! Привидение как привидение! Вы на них не обращайтесь внимания (примирительно отнесся я к призраку). Это такие лошади, которых свет не производил. Присядьте, пожалуйста. Чайку можно? Или пуншику?

— Ничего не надо, — выдохнуло из себя привидение легкий свист. — Я так посижу да и уйду.

Оно опустилось на дальний колченогий стул, даже не качнувшийся от этого прикосновения — и снова выдохнуло из себя сырой затхлый воздух.

— Очень заняты? — с участием спросил Клинков.

— Занят, — согласилось привидение после некоторого раздумья. — Вы Минкина знаете?

— Минкина? Как же! Позвольте, это какого Минкина? Нет, не знаем.

— Оно — сволочь, — грозно сказала привидение, поведя тусклыми глазами куда-то налево.

— Кто оно?

— Привидение Минкина. Его уже два раза исключали из сословия за то, что он — хам.

— Да что вы говорите? Экая каналья, — искренне возмутился Подходцев. — А что же он делает?

— Подлости делает. У нас установлена очередь для появления перед людьми, а эта свинья Минкин вечно вылезет без очереди, и уж он такие кренделя выкидывает, что прямо противно. Был уж, небось?

— Кто? Минкин? Нет, не заходил.

— Минкин не ходит, он, как жаба, на брюхе ползает. У него розовые глаза.

— Гм! По-моему, это довольно декоративно. Может быть, чокнетесь с нами?

— Да уж не знаю, как и быть... Столько визитов, столько визитов. Разве что стаканчик. Только я пить не могу — я горяченьким паром подышу.

— Дышите, голубчик, — великодушно разрешил Подходцев. — Дышите, сколько влезет.

Дыша над стаканом с горячим пуншем, привидение ревниво заметило:

— Если Минкин придет, вы его не принимайте...

— Минкина-то? По шее мы ему дадим, этому Минкину.

— Хорошо бы, — вздохнул призрак, отставляя стакан.

— Только у него шеи нет. Голова прямо из груди выходит.

— Что за наглая личность! — возмутился Подходцев. — Еще стаканчик!..

— Да уж не знаю, как и быть... — призрак пожевал губами, будто не решался высказать мучившую его мысль. Потом спросил с натугой:

— А скажите... этого... вы меня очень боитесь?

Мы переглянулись. В глазах мягкого Подходцева мелькнуло сострадание. Он подмигнул мне и сказал:

— Мы вас очень боимся. Прямо жуткое зрелище!

— Ей-Богу? — расцвел призрак. — А мне казалось, что вы как-то странно меня встре...

— Ничего подобного! — вскричал я. — Прямо-таки мы чуть не перемерли от страха. Вы ужасны.

— Страшилище! — деликатно поддержал Клинков. — У меня до сих пор сердце на куски разрывается от ужаса!..

И добавил с явной непоследовательностью:

— Хотите, выпьем на ты? Тссс! Кто это там скребется в дверь?

— Минкин! — с бешенством вскричал призрак, вскакивая. — Не пускайте его.

— Конечно, — согласился Подходцев. — Он всю компанию испортит. Ну его к черту! Давай лучше споем что-нибудь!

— Что-нибудь веселенькое, — согласился охмелевший призрак. «Похоронный марш», что ли? Или «Пляску мертвых» Сен-Санса?

— Ого! Какие ты, Володя, вещи знаешь, — удивился Клинков. — Слушай, а как у вас там насчет женского пола, э?

— Здоровая мысль! — хихикнул призрак, хлопнув мягким, пористым, как губка, кулаком по столу. — Хотите, я вас с одной покойницей познакомлю? Вот штучка-то!..

— К черту покойницу, — критически сказал женолюбивый Клинков. — Спой что-нибудь.

Призрак откашлялся и затянул затхлым, пискливым голосом:

Старенькие трупики
Новеньких чудней —
Всюду черви, струпики —
Никаких гвоздей!!!

И хор дружно подхватил припев:

И никаких,
И никаких,
И никаких гвоздей!!

Надышавшийся пунша призрак пытался и плясать, но слабые хрупкие ноги не выдержали: одна подломилась и крякнула, как сосновая щепка. Призрак поднял ее, повертел в руках и отбросил в угол:

— Который уже это раз, — сожалительно пробормотал он. — Ломучая дрянь.

Всем очень хотелось спать. Решили улечься на ковре впопалку, прикрывшись оторванной портьерой. Капризный Подходцев никак не хотел ложиться рядом с обессиленным призраком.

— Пошел вон! — сказал он бесцеремонно. — От тебя землей пахнет.

— Вы тоже хороши, — бормотал призрак, кряхтя и умищаясь поудобнее. — Напоили старичка, а теперь какую-то землю нашли. Эх, напугал бы я вас, да не хочется.

— Спи уж, — оборвал его Клинков. — Бубнит, бубнит, как шмель. По шеям надо таких пьяных старичков. Эй ты, борода, разбуди к десяти. Мне еще с визитами надо...

Проснулись мы, Подходцев и я, в два часа дня на ковре, укрытые портьерой, с Клинковым под головами вместо подушки, со старыми газетами вместо простыни.

Мы оглянулись: нас было всего трое.

— А где же этот фрукт? — спросил я, оглядываясь.

— Какой?

— Да вот этот... земляной старичок, что про трупики пел.

Клинков поглядел на Подходцева. Потом тот и другой — на меня:

— Пойди умойся, — посоветовали оба.

* * *

Ах, как приятно окатить голову холодной водой на первый день Рождества Христова!

И. Матусевич

ПАР – ДУША ЧЕЛОВЕЧЬЯ

(Малый сказ)

Жил на земле народ.
Для чего — и сам не знал.
Живется, мол, ну и ладно.
Приходит Царь.
— Ну вот, теперь я буду у вас царствовать.
— А зачем? — подивился народ.
Царь кричит:
— Молчать, дурачье!
И приказал кого выпороть, кого в Сибирь.
Окромя того землю всю отобрать и поделить между князьями да графьями.
А самую лучшую да своим сродственник м.
Всему же народу за благо признал подданным ему, Царю, быть и за Веру, Царя и Отечество стоять.
Почал народ стоять.
Стоял за Веру, Царя и Отечество, стоял, пока колени не подносились.
Свалился. Лежит.
Приходит Дурак.
— Ты чего, — спрашивает, — лежишь? Вставай-подымайся.
— А зачем? — опять дивится народ. — Поди, опять за Веру, Царя и Отечество стоять?
Дурак смеется ласково.
— Нет, милый, Царя отменили. Насчет Веры и Отечества безразлично. А стоять теперь тебе за Братство, Равенство и Слободу.
Делать неча — встал народ и почал стоять за Свободу, Равенство, Братство.
Стоит, а коленки дрожат, земля из под ног уходит — того и гляди свалится.
Дурак добрый. Жалко ему народ. Давай уговаривать:
— Братцы, держись! Друг за дружку держись!
Послушался народ.
Кто кого за чуб, кто кого за бороду. Бабы, те за косы. Держатся крепко, так что у которых даже слезу прошибает.
Не может слез видеть Дурак, надрывается:
— Не в том смысле держаться! Надо так держаться, чтоб

слобода промеж вас была!

Совсем спутался народ, сбился с толку, не поймешь, как это держаться друг за дружку, а между прочим, чтоб слободно было промеж?

Но тут объявился Большевик.

Глаза — Змей Горыныча.

Голос — Труба Иерихонская.

Даром, что сам плюгаш — от горшка два вершка.

Объявился и сразу декрет:

«Которые не трудящиеся — вон!»

А которые трудящиеся — тем за Третий Интернационал стоять.

Чего это такое — народ понять не может, да делать нечего. Понатужился и приспособился.

Не то что земли под ногами не чует, а и ног-то самих будто и нету совсем, но, между прочим, стоит.

Декрет!

Видит Большевик, народ ничего, покорный, только что очень тяжело ему за Третий Интернационал стоять — пожалел.

Облегчать и ослобонять стал.

От хозяйства ослобонил.

От хлеба, от скотины всякой ослобонил.

От Бога ослобонил.

От мозгов ослобонил.

От сродственников разных, отца, матери и протчих ослобонил.

Хотел еще от чего-то ослобонить, только видит, что народ ажно в пар обернулся и уж и за землю не держится, а в царство небесное норовит.

Большевик, не будь дураком, подобрал концы неба, да в узел связал.

А пар-то внутрь пузырем узел раздул.

А пузырь-то вот, гляди, сорвется — и в лет.

Ну, Большевику того только и надо.

Живо корзинку к пузырю приладил — лететь протчие планиды под Третий Интернационал уравнивать. Да только что собрался — шашть и Антихрист тут как тут.

Час, вишь ты, светопреставленья приспел.

Глянул Антихрист на дела большевика, да хлоп себя ладошками по ляшкам, да к Большевику:

— Ты што жа это ты, охальник этакой, с народом поделал? Сколько время народ светопреставленья дожидался! Может, тем только и жив был, а ты ему дожидаться не дал! Ну, не грубиян? Да знаешь, за это тебя... С кашей съесть мало!

Осерчал Антихрист и без каши проглотил Большевика.

Да шершавый был Большевик. Подавился им Антихрист и помер.

Тут сошел на землю сам Господь Саваоф.

А земля вся голая — ни одного человека не видать. Только пузырь небесный над землей треплется. А в пузыре пар один — душа человечья.

Заплакал-зарыдал Господь Саваоф — жалко стало ему челоуеков своих.

Да ведь и то поди, каждому известно, как радовался сердешный, когда сотворил человека и Еву. Как дите малое радовался.

А тут, прости Господи, заместо образа и подобия —
— Пар!

Заплакал-зарыдал Господь Саваоф.

Обнял, горюн, пузырь тот, к сердцу прижал, да так крепко, ажно пузырь лопнул и пар весь как из бани.

Только его и видели.

Народный кино „Иллюзия“.

24, 25 и 26 апреля. Рекомендуют посмотреть дивную картину съ уч. выдающихся артистов: Анны Нильсонъ, Мильтона Зильда и др.

Островъ затонувших кораблей.

Драма въ 8 акт.

КОМЕДИЯ и ВИДОВАЯ.

О превращеніяхъ съ одного пола въ другой.

„Курица путемъ пересадки желѣзъ, превратилась въ пѣтуха...“

— Мама, какъ это курицу въ пѣтуха... Желѣзку въ нее всунуть, а?

Этотъ интересный рассказъ В. Волгина помѣщенъ въ № 10 журнала юмора и сатиры „КЛУТЬ“ который выйдетъ 30 мая.

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ, на перекрѣсть и въ мѣстѣхъ желѣзн. дор. **ЖУРНАЛЪ „КЛУТЬ“**

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ, на перекрѣсть и въ мѣстѣхъ желѣзн. дор. **ЖУРНАЛЪ „КЛУТЬ“**

А. Куприн

Суд

Когда же настал срок последнему дню, то вострубил Архангел в золотую трубу, сотрясая небо и разверзая землю. И восстало из несметных могил множество мертвых, наполнивших землю, и облеклось плотию. С живых же спали ветхие земные одежды. И все они, живые и мертвые, предстали на Страшный Суд нагие, подобно прародителям до грехопадения.

Нелицеприятный Судия восседал на престоле из облаков, осененных радугою и пронизанных молниями. И были двое великих отверстых врат по сторонам престола. Одни, направо, вели в зеленый, сияющий сад, а из левых шел крутой спуск в дикое и черное ущелье, мгла которого изредка озарялась колыханьем багровых подземных огней.

Посредине же возвышались серебряные весы с золотыми чашами, и приставлены были к обоим концам коромысла два ангела, взвешивать добрые и худые дела человеческие. Подходили к тем весам поочередно все рожденные от женщины и, выслушав свой приговор, шли, по мере содеянного ими, направо, в жилище вечной радости, или налево, в геенну огненную...

И вот привели перед престола мужика. Весь он грубый, потресканный и темный, как земля: весь в коросте и мозолях. Но только держит себя крепко и безбоязненно. Ангел ему шепчет на ухо:

— Какой ты несуразный. Здесь трепетать полагается.

Мужик ему отвечает:

— А чего мне бояться. Довольно мы пред земными судьями натрепетались. Стою перед единым Судьею праведным. Весь в его мудрой воле.

Судия же спрашивает:

— Что ты делал, мужик?

— Мы-то? Пахали, боронили, сеяли, косили, молотили, за скотиной ходили... Все вокруг хлебушка... А которые малоземельные, или земля неродяща, те по городам добывали. Плотника, каменщики, извозчики, землекопы, банщики. Мало ли чего еще... Потом — кровью всю Россию полили.

— Сам-то всегда ли сыт бывал?..

— Со всячиной, Батюшка. Часом с квасом, порой с водой. Случалось, и лебеде бывали рады. Мы не господа.

— Грешил много ли?

— Без конца и без числа, Владыко. Пьяницы мы, и воришки, и снохачи, и обманщики. Да ведь, Господи, — темный мы народ, серый, ничему не ученый... все одно, как слепые щенята... живем в грязи, да в бедности...

— На Бога роптал?

— Этого, пожалуй, не бывало. Больше говорил: Божья воля, Бог дал, Бог взял.

— Иди же с миром! — сказал Судия. — Много ты потрудился, надо тебе отдохнуть. Святитель Николай! Иди-ка сюда, прими земляка.

Подошел седенький Угодник в стареньких ризах, обнял мужика и повел в святые ворота. И издали был слышен мужиков голос:

— Ах, Микола Милостивый, какие у вас овсы-то ядренные!

После мужика пришел солдат. Весь простреленный и порублены!. Белая рубаха на нем — в ночь перед сражением чистую надел, чтобы к Богу исправнее явиться — вся в крови.

Спрашивает Судия:

— За что дрался, солдат?

— Так что за Веру, Царя и Отечество, Господи.

— Много ли народу побил?

— Не могу знать, Господи. Куда пуля летит — не видно, а в атаке нешто сосчитаешь?

— Грешил много ли?

— Грехи мои солдатские все перед Тобою, Господи.

— Лежачего же добивал ли?

— Никак нет, Владыка. Мы воины православные.

— Пленных не обижал ли?

— Никак нет. Сам, бывало, не доешь, а ему и хлеба, и каши, и порцию. Ему труднее.

— Начальники к тебе всегда ли были справедливы?

— Всякое бывало. А ты им прости, Всемилоостивый.

— Молодец ты, солдат, — сказал Судия и позвал громко:

— Воины мои любезные, Георгий Победоносец и ты, российский витязь, князь Невский Александр. Возьмите же воина сего и отведите с почетом в рай. И двойную порцию ему.

— Покорнейше благодарю, Господи! — воскликнул солдат.

Потом приблизился к Престолу страшный разбойник. Пал он лиц, лицом на землю, и завопил громко:

— Не спрашивай меня, Господи! Тебе все известно! Смердят мои грехи к небу и вопиют о возмездии без всякой жалости! Молю тебя об одном: пошли меня туда, где огонь пожарче и где дьяволы самые свирепые...

Судия же говорит:

— Ведомо мне: был однажды пожар, и в доме, объятom пламенем, осталось малое дитя, еще не умевшее ходить. Не ты ли, разбойник, бросился тогда в огонь и вынес младенца невредимым, окутав его своей одеждой?

— Господи! — вскричал разбойник. — Не засчитывай мне этого дела! Ведь не одна любовь меня толкнула тогда лезть в огонь. Кругом люди стояли... Хотелось своей храбростью пофорсить.

— А почему же имя свое утаил? Почему скрылся незамеченным?

— Да стыдно стало, Господи! Разбойник, душегуб и вдруг... Нет, не милуй меня, не милуй, Всемиловитый...

— А не ты ли после ушел в монастырь, приняв ангельский чин? Не ты ли вериги носил и власяницу? Не ты ли денно и ночью омывал слезами покаяния свою совесть? Не ты ли в схиму постригся и возложил на себя обет вечного молчания?

— Господи! Свою душу я спасал, свою только душу! Но ни одну загубленную мною душу не вернули мои молитвы к жизни. Ничего не весит все мое покаяние перед единой моей злодейской мыслью, Всеблагой!

Тогда спросил Судия громко:

— Вы все, невинно загубленные сим разбойником, при-
явшие от него смерть без святого покаяния, прощаете ему?

Как будто вздох пронесся, точно ветер зашелестел.

«Прощаем, прощаем. За большое страдание прощаем».

— Нет, Владыка, не прощай! — возопил разбойник. —
Вовеки я на них глаз не посмею поднять. Не щади, не щади
меня, Милостивый.

— Хорошо же, будь по-твоему, — сказал Судия. — Сойди
ты в ад на мучения. Очистись и я позову тебя. Иди же.

И пропал разбойник в черном ущелье, куда указывал
ему дорогу вниз своим пылающим мечом архистратиг Ми-
хAIL. Пламенные языки взвились над ним и сникли.

Таки один за другим представляли перед Судией люди
всех веков и всех народов. Привели также одного грешни-
ка в очках и с длинными волосами.

— Кто ты? — спросил Судия.

— Я? Я — социал-демократ! — ответил спрашиваемый
скромно и гордо.

— Что ты совершил в своей земной жизни?

— Я перестраивал мир сообразно законам желудка.

— Что ты для этого сделал?

— Я разрушал все созданное до меня бессознательным
человечеством.

— Религию?

— Это опиум для народа.

— Бога?

— Его нет.

— Красоту?

— Выдумка праздной буржуазии.

— Семью?

— Вредный пережиток.

— Жалкое существо! — сказал с печалью во взоре Су-
дия. — По крайней мере, посадил ли ты хоть одно дерево
при дороге, чтобы усталый путник освежился и отдохнул в
его тени?

— Нет. Я не признаю частной благотворительности.

— Приласкал ли ты когда-нибудь ребенка?

— Зачем? Я учил его классовой борьбе.

— Отер ли ты слезы страдающего?

— Нет, я говорил ему о мести...

— Ты никогда не ошибался?

— Никогда.

Судия задумался. После долгого молчания он сказал:

— Значит, я ошибся. Я допустил зло, ибо без него не было бы действенным добро. Мудрость не существует без глупости. Трава для ягненка, ягненок для тигра, шкура тигра для человека. Все в мире нужно и уравновешено. Один этот человек враждебен мне и не нужен в моих будущих творческих замыслах. Наказать его? Но он не знает своей вины. Простить? Но он не поймет и прощения. Иуда и Диявол поймут, а он не поймет. Что же мне с ним делать?

И после минутного размышления Судия сказал:

— Вот что! Не существуй более. Отныне и вовеки.

Раздался легкий треск. Социал-демократ растворился в небытии навсегда.

И ничто в мироздании не дрогнуло, не шевельнулось.

„Ударъ смерти“ ужасное изобрѣтеніе.

„Нью-Йоркъ Геральдъ“ сообщаетъ: „Д-ръ Эдвинъ Скоттъ изъ Санъ-Франциско открылъ искусственную молнію, управляемую однимъ операторомъ.

Въ производствѣ опытовъ въ большихъ размѣрахъ приметъ участіе морское министерство. По словамъ изобрѣтателя, на извѣстномъ разстояніи всѣ боевыя машины отъ его молніи становятся безполезными игрушками. „Ударъ Смерти“, названіе этого изобрѣтенія, дѣйствуютъ одинаково и на сушѣ, и на морѣ, разрушая верхнія строенія броненосцевъ и выводя изъ дѣйствія радіо-телеграфъ. На предварительныхъ опытахъ, какъ захватываетъ Скоттъ, стальные плиты пробивались, деревья загорались и животныя гибли на разстояніи 1 мили отъ его прибора.

В. Никифоров-Волгин

ЛУЧИ СМЕРТИ

Нарва, 16-го июня 1925 г.

Заграничная печать много говорит о «лучах смерти» — разрушительных, дьявольских, ослепляющих, сжигающих, умерщвляющих и иных чудодейственных лучах — изобретении английского блэффиста Риндель-Мэтьюза.

Описываются ужасы, которые могут быть произведены применением таких лучей на войне...

Неутомим человеческий гений. С каждым годом дарит он миру все новые и новые достижения, направленные к умерщвлению человека, к разрушению семейного уюта, к погашению смеха и радостей наших, таких маленьких и скоропреходящих.

Устали все в наше звериное время, не только люди, но, кажется, даже и земля устала, а человек продолжает напрягать свой гений к уничтожению покоя.

Вместо маленькой, солнечной жизни «лучи смерти», ослепляющие, сжигающие, умерщвляющие.

Человек жаждет мира. Все помыслы его — как бы доползти до заветного источника мира и отдохнуть от войн, революций, душевной усталости, но кто-то жестокий, «без Христа, без имени святого», забегает вперед и отравляет воду в источнике.

Когда читаешь о новых, изобретенных человеческим гением орудиях смерти, то жутко становится людей, за жизнь. Невольно зарождается «наивная тоска» о светлом, евангельском гении, который спустился бы на нашу горевую, усталую землю, принес бы *мир* всем нам, так страстно и с такой болью ожидаемый, и вместо «лучей смерти» осветил бы нас лучами жизни.

В. Никифоров-Волгин

КОЛДУНЯ

(Нарвская легенда)

За готическими, узорными от мороза окнами старинного дома — лунная рождественская ночь, шелест снежной вьюги и белый покой загрезившей Нарвы.

Я, маленький любознательный мальчуган, несмотря на поздний час убежал из дома и сижу в полутемной сводчатой комнате с нелюдимым старожилом Нарвы Власом Никандровым — маленьким тщедушным стариком, большим любителем древности.

Румяным жаром дышит камин, озаряя во мраке комнаты то диван, на котором отдыхал Карл XII, то молчаливые часы средневековой конструкции, стальные латы ливонского рыцаря, и самое жуткое, от чего бледнеет моя душа, ржавое зубчатое колесо, к которому во времена инквизиции привязывали вероотступников.

Сводчатая комната Власа Никандрова полна воспоминаний отшумевших мрачных веков, о которых говорят пожелтевшие страницы истории.

Идет ночь. Воеет вьюга. Детской душе моей страшно.

На старинной ратуше городские часы бьют двенадцать ударов.

Влас вздохнул и тихо сказал:

— Сейчас исполнилось пять столетий, как на площади перед ратушей сожгли чародейку Ладу... Ее сожгли в ночь на Рождество Христово, при пении псалмов и молитв отцов святой инквизиции... Так же, наверное, светила луна и плакала снежная вьюга... Никто тогда не протестовал, кроме ратушных часов... да, часов... теперь уже несуществующих...

— Расскажите мне про Ладу!

— Спать не будешь, мой маленький. Страшная история. Расскажу тебе лучше днем.

— Я сейчас хочу... Не отказывайте мне, ради Бога!

— Нетерпеливый ты, мальчик, — проворчал старик, закуривая трубку, — ну, так и быть, слушай...

— Там, где каменным суровым рыцарем стоит замок Германа, пятьсот лет тому назад, в тени могучих дубов, стояла хижина чародейки Лады. Красивая была эта Лада, и доб-

рая. Чародейкой ее прозвали за то, что хорошо лечила людей целебными травами от всех болезней. Слава о ее врачевании дошумела до берегов Дании. Имя Лады было благословенным среди людей.

Но все доброе, что делает человек своему ближнему, ведет к большим страданиям и даже к мученичеству...

Так было и с чародейкой Ладой...

В те времена не было более жестоких и черствых людей, как духовенство. Узкие, невежественные, мстительные фанатики не могли простить, что в руках необразованной, простой женщины, — такой великий дар и такая громкая слава, а у них, таких ученых, знающих премудрое Слово Священного Писания, уважаемых сильными мира, нет этого великого дара и нет этой громкой человеческой славы, и решили служители церкви, в душевных своих кельях, отомстить чародейке Ладе.

По Нарве они распространяют слух, что Лада — колдунья и силой бесовской исцеляет недужных, и что нет места ей под небом и Бог требует сожжения ее на костре.

Тот, кого во все времена считали отбросами человечества и у кого не спрашивали совета сильные люди, — простой народ — всей силой своей любви восстал против монашеской злобы и решил не допустить на костер чистую Ладу, так много любви и заботы отдавшей страждущим людям.

Но злоба сильных — сильнее любви народа.

Она сделала свое дело.

В темную зимнюю ночь, в тихую хижину Лады ворвались люди, закованные в железо, грубо схватили ее и повели по тихим снежным улицам Нарвы в мрачный подвал высокой церкви, где заседало Высшее судилище инквизиторов. Никто не защитил Ладу.

Чтобы не было возмущения в народе, сильные люди решили сжечь ее тайно, перед ратушей, в ночь на Рождество Христово, ровно в двенадцать часов.

Когда заснула Нарва, от дверей церкви потянулась мрачная процессия. Жуткое пламя факелов освещало фигуры монахов-инквизиторов, черных как исчадия ада, и среди

них белую, как лилия, фигуру Лады. Гнусавыми голосами тихо распевались псалмы.

Остановились на площади. Стали ждать, когда ударит полночь, чтобы приступить к сожжению.

Неуловимо тянется стрелка. Проходит минута. Две. Три. Сейчас должны пробить смертные для Лады часы, и вдруг... чудо. Часы остановились.

Какой-то испуганный монах, разжигавший костер, в страхе прошептал:

— Перст Божий!

И бросил факел.

Но кто-то твердо отчеканил властным голосом:

— Сжечь ее немедленно! Она силой волшебства своего остановила часы!

И сожгли Ладу.

Да... сожгли. И никто тогда не протестовал, кроме ратушных часов.

За готическими, узорными от мороза окнами плакала снежная вьюга, и мне, маленькому, казалось, что это плакала белая душа сожженной Лады.

В. Бельский

ДУМЫ ПОКОЙНИКА

«На днях на Ивангородское кладбище привезли гроб с совершенно голым покойником из Н... Эмигрантской больницы, некоего Кирилла Петрова».

(См. «Нарвский Листок» № 13).

В Эмигрантской больнице догорала, как одинокая свечка в пустом и безлюдном храме — жизнь эмигранта Сидора Горемыкина.

За окном весна звенела, сверкала в каждом солнечном блике, в каждом движении, в каждом звуке улицы — а он умирал безвестный, никому не нужный, среди холодных эгоистичных людей.

Чудилась ему в предсмертных грезах: кроткая, тихая, вечно благословляющая родина, вся в черных бесконечных дорогах...

* * *

Горемыкину стало вдруг легко и свободно.

Страдания где-то остались позади.

Он как будто бы очутился в преддверии чего-то яркого, радостного, неземного...

Кончен трудный путь.

Умер.

Сидор Горемыкин счастливо улыбнулся, лукаво подмигнул серьезной старушке Смерти и с наслаждением вытянулся на узкой кровати.

И вдруг заметил Горемыкин: что он лежит голый. Совершенно голый...

Стыдно ему сделалось наготы своей...

— Как же так? — недоуменно раздумывал он. — Неужели в таком виде я на тот свет должен явиться? Ведь и мертвый чувствует срамоту свою!.

Хочется вдруг крикнуть ему на всю палату:

— Прикройте меня. Стыдно мне!..

«Но да разве услышат мертвеца живые люди?»

Тихо было в больнице. Кто-то шептал около трупa Горемыкина:

— Завтра надо будет отвезти его в часовню...

— Неужели голого так и похороним? — жалостливо проговорил кто-то.

— Не беда! — ответили холодно и равнодушно. — Земля и голого примет. Не напасти на них рубашек!..

* * *

Лежить новопреставленный раб Божий Сидор в кладбищенской часовне и горько думает:

— Эх вы, люди! Нет у вас сердца... На позор меня голым выставили. Рубашечки рваной и той не нашлось у вас!..

— Эх, чужбина неприветная!..

«А может быть, вспомнят? Придут и оденут меня...» — утешает себя Горемыкин.

Тихо.

В разбитое оконце доносится весенняя музыка. Птицы поют в звонкой радости. Веет весенними запахами

— Чу! Кто-то идет к часовне... Не отпевать ли? — в ужасе думает Горемыкин. — Голого отпевать! — А может быть, вспомнили обо мне ласковые люди, и идут принарядить меня?..

Насторожился Горемыкин в жутком ожидании.

Вошла в часовню женщина. Перекрестилась и, вздрогнула от ужаса, увидя неприкрытую наготу покойника.

— Горемычный ты! — прошептала она грустно. — Сейчас домой сбегая, принесу белье и одену тебя, забытого!..

Ушла.

Обрадовался Горемыкин.

* * *

Одели раба Божьего Сидора в белую рубашку; кисеей прикрыли; и украсили его первыми весенними цветами...

РадуетсЯ Горемыкин, и хочет поблагодарить женщину. Но увы! Живой не слышит мертвого!..

* * *

Пришел священник и стал отпевать.

— Кого же это он отпевает? — думает Горемыкин, прислушиваясь к горьким трогательным напевам, — меня звать Сидором, а батюшка поминает какого-то новопреставленного Терентия...

Стал Горемыкин по сторонам оглядываться: нет ли где поблизости другого покойника с именем Терентия.

Никого нет.

Один он лежит в часовне. И над ним же священник совершает каждение.

Опять пригорюнился Горемыкин.

Хочется ему сказать священнику:

— Батюшка! Меня Сидором звать, а не Терентием!..

Не слышит батюшка.

Где же живым слышать мертвого?

* * *

Довезли раба Божьего Сидора-Терентия на простой тележке к месту вечного упокоения.

Гроб колыхается во все стороны и грозит свалиться.

Сторож торопливо везет его и, видимо, недоволен, что приходится из-за какого-то бездомного голыша тратить дорогое время.

Лежит Горемыкин спокойно в тихом своем убежище и больше ни о чем не волнуется. Примирился со всеми не-

справедливостями.

— Скорее, могильщик, вези меня от людей, от жизни бестолковой!..

Тихо дрожит в весенней чути последний надгробный напев священника:

— Вечная память...

Г. Алексеев

ЧЕЛОВЕК И СМЕРТЬ

(Сказка)

Шел человек полем — глядь, под ракитой сидит смерть, блох со скуки бьет.

— Куда идешь, Божий человек?

— На жнива, полдник рабочим несу.

— Погоди маленько, — говорит смерть, — я по твою душу пришла. Черед тебе Господу Богу представиться.

— Ну что ж, — отвечает человек, — черед так черед. Против рожна не попрешь! Давай, однако, наперед пообедаем — несподручно в далекий путь голодным идти.

— Давай пообедаем.

Сели под кусток, разостлал человек поддевку, борща в миску насыпал — дымится борщ как ладон благовонный, шкварки так и потрескивают. Похлебали борща — принялись за кашу; выели и кашу — весь горшок до донушка.

Встал человек, помолился Богу на восход солнечный и на запад, четырем сторонам поклонился и говорит:

— Можешь теперь мертвить меня, коль моя черед приступила. Готов я Господу полный дать ответ, а только, думаю, рано мне помирать. В самую вхожу силу, и жизнь, по правде сказать, очень мне нравится.

Усмехнулась смерть в кулак, а потом и говорит:

— Давно я так не обедала, как ты меня угостил. Вот тебе пятьдесят лет отсрочки — иди и живи. А пятьдесят лет пройдет — найду я тебя и умертвлю.

— Спасибо тебе, безребрая.

Пошел он к хозяину своему. Солнце светит, пташки щебечут, на огородах цветы качаются — такая его веселость взяла.

— Дай, — говорит, — хозяин, я на твоей дочке женюсь.

— А женись, коль согласна.

— С чего ж девке несогласной быть?

Поженился он на девке — стало от того дня хозяйство у них еще спорее, пошли в гору. Амбары от хлеба ломаются, на скотном дворе повернуться негде, хата — как полная чаша, благодарение Господу да и только. Пожили так год ли, два — занедужили старики и померли в один день. Остался он один с женою, дети у них пошли... Богатеют ото дня ко дню, сыновей поженили, дочерей за хороших людей поот-

давали. Прошло пятьдесят лет в трудах праведных — приходит за его душой смерть.

— Вот, — говорит, — окончилась твоя отсрочка...

Испугался он, бородой затряс, а сам как малый ребенок плачет:

— Ой, смерть моя! Ой, мать моя! Уж как хорошо на свете жить! И все-то есть у меня! И уважают люди добрые. Повремени, сделай милость...

— А может, умертвить?

Смеется, паршивая, глаз левый стрелой сощурила.

— Погоди малость.

— Ну, живи, коль помирать не хочешь. Да смотри — теперь скоро не приду!

Попрощалась и ушла.

Взялся он тут жить, — и сыновья померли, и внуки поженились, а он все живет да живет. Негодящий стал, как стебелек качается — и ходить-то не может, и глаза-то слезами зашлись, и на ушах плесень — не слышит ничего. За ним и доглядать перестали — мимо рта ложку сует. Отшатнулись все, раз сама смерть отшатнулась.

Взмолился он тут Господу:

— Господи, Царю мой — за что жизнью вечной меня проклял? Тяжко мне, бессмертному. Всему черед в мире твоём: благодатно рождение и жизнь — как глаз твой прекрасна, но возьми бессмертие мое, и смертью как лучшей наградой за путь мой жизненный увенчай.

— Видишь, — говорит Бог смерти, — всю жизнь это беспокойное создание стремится к бессмертию. А дал одному бессмертие — вишь, как соскучился. Трудно мне с людьми приходится — сами не знают, чего хотят. Иди, безглазая, исполни свой долг.

Пришла смерть к человеку, а он от горя и плакать уже не может. Лопочет себе под нос:

— Хоть бы ослепнуть мне! Хоть бы оглохнуть мне!

Почуял смерть, как матери родной обрадовался:

— Смерть моя, мать моя, что ж ты меня покинула? Как солнышка тебя дожидаю. Сними с меня гнев Божий...

С тем и помер.

П. Потемкин

СМЕРТЬ В КЛЕТКЕ

Рис. В. Белкина

...И было однажды так:

Какой-то весельчак, остроумный и ловкий, умевший брать быка за рога, в миг свидания со Смертью ухитрился не только не поддаться ей, но путем какой-то ловушки пригласить ее сесть в клетку.

Как это случилось, никто не узнал, да, вероятно, и мир не узнал бы даже о самом факте заключения Смерти, если бы не произошли некоторые события, о которых речь впереди.

Дни текли, жизни людей все продолжались, люди болели, страдали, кричали, охали, но никто не умирал, и ученые, подводя статистические данные, замечали, что не только нет ни одного смертного случая, но что даже почти нет заболеваний.

Это их, конечно, не удивило, они приписали все это результату своих научных трудов и заговорили о всемогуществе статистики. Некоторым из них Академия Наук даже присудила награды.

Но когда старый король той страны, где все это происходило, узнал об этом (известно, что мужья и короли узнают обо всем последними), он потряс седой <головой> и воскликнул в диком гневе:

— Не потерплю! Это мятеж! Это нарушение прерогатив власти! Это против конституции, наконец! А как же мои смертные приговоры?! Ведь эдак меня никто в грош ставить не будет! Узнать, в чем дело! Почему никто не умирает! Как смеют! Позвать мне сюда министра внутренних дел!

Министра позвали. Министр пришел и король сказал ему:

— Слушай, у нас есть сейчас в тюрьме убийцы?

— Никак нет, — отвечал самодовольно министр. — За весь год, Ваше величество, благодаря усердию моему и хорошо поставленной полиции, не было во всей стране ни одного убийства. Правда, покушения были, но все неудачные, о чем я особенно счастлив доложить Вашему Величеству.

— Ты глуп, — разгневался король. — Сейчас же подавай в отставку! Ты не умеешь заботиться о королевском престиже! Король конституционной страны, а у нас, слава Богу, конституция, должен быть милостив. А кого же я буду миловать, если не убийц?

— Так точно, Ваше величество, — заявил министр и, обещав исправиться согласно конституции, попросил у короля отсрочки на сорок восемь часов. — «За это время я исправлюсь, — обещался он.

— Посмотрим, — сказал король. — Ступай и впредь будь умнее!

Министр ушел и сейчас же потребовал к себе начальника полиции.

— Ах ты такой-сякой, — набросился он на него. — У тебя в стране беспорядок! Ни одного убийства нет! Пошел сейчас же, и чтоб у меня завтра же утром был убийца по крайней мере пяти душ!

Начальник полиции не удивился (удивляться не входит в обязанности начальника полиции). Он повернулся на каблуках и отправился сам к лучшему своему провокатору.

— Завтра в восемь часов утра должна быть зверски вырезана целая семья в центре города. Убийца должен быть пойман с поличным и приговорен к смертной казни. Необходимо доказать, что мы нужны, а то в этом сомневается король.

Провокатор почесал затылок и спросил: «А убийца будет помилован?» и, узнав, что король должен быть всемилостивым, сказал:

— Не извольте беспокоиться, все будет исполнено!

— «Я сам возьмусь за это дело» — подумал он, выходя от начальника полиции. — «И невинность соблюду и капитал приобрету. Кстати, у меня есть на примете один богач».

А между тем, Смерть сидела в клетке и никто об этом доподлинно еще не знал.

Ночью провокатор отправился на работу. Он взял длинный, острый нож, тяжелый топор и умело пробрался в дом богача.

Богач мирно спал на своей золотой кровати, а под кроватью стоял его несгораемый сундук, наполненный до краев алмазами и червонцами.

Провокатор долго смотрел в лицо богачу, предвкушая, как он сейчас ударит его топором по голове и вонзит нож в сердце, потом потихоньку выдвинул сундук и примерился открыть его.

— «Может быть, и так удастся ограбить его, — не убивая», — подумал он, верный своей психологии человека, соприкасавшегося с уголовными законами, но, вспомнив при-

каз начальства, перекрестился и наотмашь хватил богача топором по голове. Тут-то и случилось чудо. Богач даже не проснулся (крепкие головы у этих капиталистов), а только отмахнулся во сне и пробормотал:

— Завтра же выгоню камердинера, — опять он полную спальню мух напустил!

Провокатор ошалел сначала, потом схватил нож и тщательно вонзил его в самое сердце богачу. — «Теперь уж не вывернешься!», — подумал он.

Но богач, слегка почесавшись, как будто от укуса блохи, повернулся на другой бок и захрапел еще сильнее.

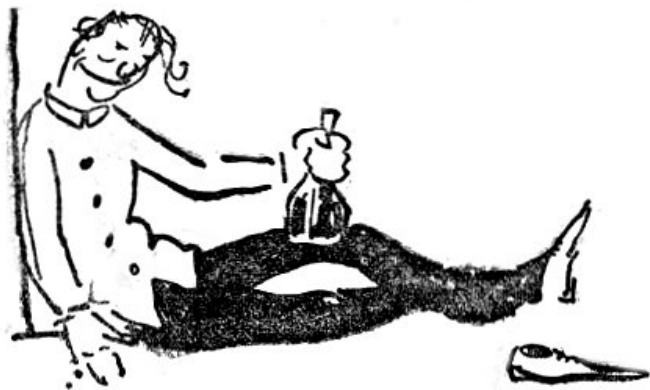
На провокатора нашло бешенство. Как безумный колот и рубил он богача. Удары ножа и топора сыпались градом, провокатор весь вспотел — и хоть бы капелька крови показалась на теле богача. Богач спал, спал... как убитый.

* * *

Между тем, Весельчак, избавившись от смерти, кутил и веселился напропалую.

Каждый день он был пьян, каждый день любил женщин и добросовестно проматывал свое состояние, причем, раз познакомившись со Смертью, настолько увлекся жизнью, что спешил жить захлебываясь, точно вот-вот нагрянет Смерть и оборвет цепь его удовольствий.

Он впопыхах даже забыл о том, что Смерть сидит у него в клетке, что коса ее ржавеет на чердаке и что, собственно говоря, торопиться некуда.

Этими милыми делами занимался он так усердно, что в один год спустил не только все свое имение, но даже ухитрился заложить у ростовщиков два наследства, которые предстояло ему получить от двоюродных тетюшек, причем явно вводил ростовщиков в невыгодную сделку, так как какое же наследство, раз вообще нет больше Смерти?!

Но пришел такой день, когда Весельчак проснулся и стал думать, как же быть дальше! Все проиграно, все пропито, все промотано, — надежд никаких... И выдумал он ездить из города в город и показывать Смерть в клетке.

* * *

А старый король был прав. Революция близилась. Народ был взволнован странным отсутствием Смерти. Он еще не гадаывался, в чем дело, но сильно недоумевал.

Попы стали жаловаться, что плохие дела, совсем по миру пошли содержатели бюро похоронных процессий и доктора, разорились могильщики и хроникеры, жившие некрологами.

И вот однажды в одной из газет была напечатана сенсационная новость: «Смерти больше нет! Никто больше не умрет! Человек стал вечен!»

По личному повелению короля газету, вопреки конституции, закрыли, а редактора отправили на рудники за бесполезностью смертной казни. Но дело было сделано.

Номер газеты продавался нарасхват за бешеные деньги, переходил из рук в руки и действовал, как искра на пороховой погреб. Начались сходки, митинги, демонстрации.

Полиция била нагайками и палками, а народа смеялся, не испытывая боли.

В полицейских летели булыжники, но как упругие мячики отскакивали ото лбов, не оставляя ни малейших царапин.

Лошади плясали по телам упавших, а те смеялись им в брюхо и только кричали:

— Ой, как щекотно!

Тут всем стало ясно, что Смерти нет, во вместе с тем до очевидности ясно стало и то, что Смерть должна быть, что

ее надо выдумать, если ее нет, потому что без Смерти уж очень увеличилось число безработных и т. д. и т. д.

Народ решил, что это новые шутки империалистов и решил потребовать Смерти у короля.

— Он, он виной всему! — кричали подстрекатели и вожаки. — Долой его! Смерть ему! — хотя уже знали, что Смерти нет.

* * *

Однажды днем на площади перед королевским дворцом была устроена особо грандиозная демонстрация.

В полном порядке шли густые массы народа по восемь человек в ряд с черными знаменами, соединившись по цехам и профессиям.

Впереди шли могильщики. Они несли гробы и кричали:

— Вот наши гробы! Они пусты так же, как и наши желудки. Нам нечего есть. Дайте нам право на жизнь — дайте нам Смерть!

За ними шли доктора и аптекари с черным знаменем, на котором была изображена мертвая голова с костями. Они несли свои инструменты и лекарства и кричали:

— Вот наши инструменты! Вот наши лекарства! Они раньше были всемогущи, они несли с собою Жизнь и Смерть, теперь они бессильны, как бессильны и мы, умирающие с голоду! — Дайте нам Смерть!

Еще дальше шла процессия профессионального союза самоубийц:

— Мы не можем так больше жить! — кричали они. — Это наглая эксплуатация! Мы работаем 24 часа в сутки, стараясь умереть! От яда переходим мы к ножу, от ножа к револьверу, от револьвера к веревке. Отчаявшись повеситься, мы спешим утопиться. Мы бросаемся с шестых этажей, мы стряхнули своими телами вековую пыль пропастей, стараясь убиться насмерть, — но мы не можем! 24 часа в сутки работаем мы, а платы не видим. Дайте нам Смерть!

Потом шли другие цеха и союзы и у всех на знаменах была надпись: «Хлеба и Смерти!»

Буржуазия тоже приняла участие в демонстрации, только она сделала это не лично, а через газеты.

Во всех газетах были в траурных рамках напечатаны громадные столбцы объявлений, занимающие собой бесконечное количество страниц.

«Фирма такая-то с прискорбием извещает, что неизвестно куда скрылась Смерть!»

«Общество купцов такого-то города сим объявляет, что сбежала Смерть. Доставившему будет выдана награда».

«Сословие адвокатов, стоявшее всегда впереди требований народа, сим извещает, что оно глубоко протестует против насилия правительства, выразившегося в отобрании права на Смерть».

Только общества страхования жизни оказались не с демонстрантами — почему, понятно каждому.

Так делалась революция.

И король все это видел и понял, что надо что-нибудь предпринимать для спасения трона и династии.

Он издал манифест, в котором, соглашаясь, с присущей ему монаршей милостью, на все условия и требования, предъявленные ему возлюбленным народом, вводил институт смертной казни всех видов и сортов, от простого повешения до четвертования, колесования и пр., и пр.

Но манифест остался клочком бумаги — Смерти не было, а революция тоже не могла ничего поделать, так как была бескровной!

Напрасно король объявил, что нашедшему Смерть отдаст он свою дочь в жены и половину царства — Смерть не находилась.

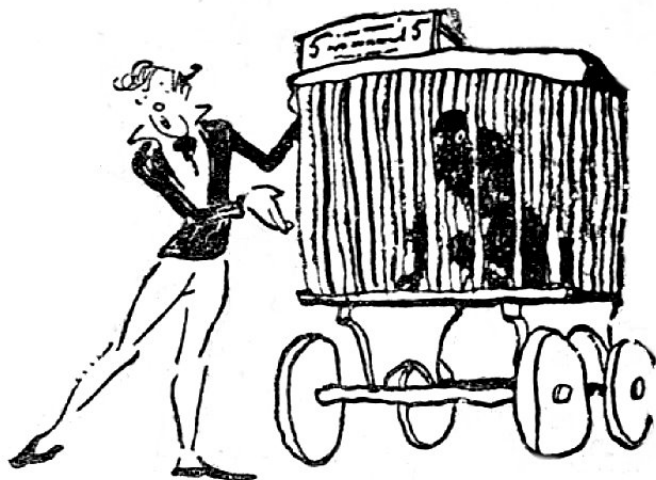
Объясняется это тем, что Весельчак в то время беспременно пьянствовал и газет не читал, почему о происходящем и не знал. Но однажды утром, как уже говорил я, проснувшись без копейки в кармане, решил он добывать себе пропитание показыванием Смерти в клетке.

Так как малый он был смелый и неглупый, он решил сразу поставить дело на широкую ногу и отправился в саму столицу, на самую площадь у королевского дворца.

По дороге останавливался он у многих трактиров и много пил, однако секрета своего не разбалтывал, хоть в голове у него и шумело.

Смерть выдавал он просто за обезьяну, только без хвоста, ну а на обезьяну, да еще худую как Смерть, не очень-то много охотников любоваться найдется!..

Сам он ничего не знал ни о революции, ни о манифесте, ни об объявлении.

Выехал он на площадь и столь народ зазывать:

— Вот Смерть в клетке! Смотрите, граждане, вот Смерть в клетке! Не теснись! Но толкайся! Плати по пятаку с рыла! Дай маленьким вперед пройти — им дольше вашего Смерти ждать!

Первыми прибежали старики и самоубийцы. Озверели, с палками на Весельчака лезут: выпускай, такой-сякой, Смерть!

Последним прибежал начальник полиции. Моментально арестовал Весельчака и за обман и за спекуляцию на на-

родном бедствии и предоставил по начальству. Начальство ради такого экстренного случая отправилось во дворец и туда же отвезли Весельчака со Смертью.

— Как же ты докажешь, что это действительно Смерть, а не обезьяна? — спросил король. — Согласись сам, не могу же я отдать за тебя свою дочь, не убедившись!

— Как докажу? — сказал Весельчак. — А вот выпущу ее сейчас из клетки, так она сама докажет!

И пошел к клетке.

— Стой, стой! — окликнул его король и замялся. — Ты бы ее лучше того... на площади выпустил. Все ей свободнее будет, больше простора! Выпускать так выпускать, — это ведь не канарейка!

Между нами говоря, король любил пожить.

Вывезли клетку на площадь, и приладили было уж Весельчак длинным багром открыть клетку, как вдруг вспомнил, что косу Смерти не чердаке забыл.

Пока посылали за косой нарочного, пока он успел вернуться, город разукрасился флагами, цветами, гирляндами, плакатами: «Добро пожаловать!» и все высыпали на улицу — рады невесть чему.

Председатель профессионального союза самоубийц, конечно, потребовал, чтоб ему предоставили честь открыть клетку, но Весельчак требование отклонил, так как, будучи анархистом-индивидуалистом, не терпел никаких профессиональных союзов.

Когда привезли косу, оказалось, что она вся зазубрена и изъедена ржавчиной.

Весельчак, который уже успел почувствовать себя героем дня и влюбиться в королевну, испугался даже, что Смерть не сможет работать такой косой, и прослышет он, Весельчак, обманщиком, а значит, и мужем королевны не будет, но делать нечего, сунул косу в клетку и дернул багром за дверцы.

Тут... Тут все и попали под ржавую косу и остался один недорезанный автор.

Фантастическія обѣщанія американскаго врача.

„Вы будете, какъ боги“ заявилъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Американскаго Философскаго Ова въ Филадельфіи одинъ изъ сотрудниковъ института Карнеджи д-ръ Оскаръ Ридль. Онъ заявилъ, что въ ближайшемъ будущемъ наука будетъ въ состояніи „производить“ людей, обладающихъ иммунитетомъ противъ всѣхъ болѣзней и одаренныхъ гениальными способностями. Эта новая эпоха въ исторіи человѣчества настанетъ благодаря примѣненію „ультрамедикаментовъ“, ставшихъ извѣстными въ наукѣ въ результатѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ. Во время этихъ опытовъ ученымъ удалось совершенно измѣнить природу разныхъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ.

— Человѣкъ будущаго будетъ встрѣчать на улицахъ людей-гигантовъ, сдѣланныхъ невоспримчивыми къ разнымъ болѣзнямъ, или людей съ исключительнымъ интеллектомъ, усовершенствованныхъ знаніемъ, искусствомъ и усиліями самого человѣчества. Искусство вызывать усиленный ростъ будетъ практиковаться на маленькихъ людяхъ, и мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что наука ближайшаго

будущаго будетъ въ состояніи увеличить ростъ любого человѣка на 50—70 сантиметровъ.

Свой оптимизмъ д-ръ Ридль основываетъ на дѣйствительно изумительныхъ опытахъ, продѣланныхъ англійскими біологами. Давая мексиканской саламандрѣ, дышащей посредствомъ жабръ, экстрактъ изъ определенныхъ железъ, удалось достигнуть постепеннаго превращенія жабръ въ легкія, и саламандра, до сихъ поръ жившая только въ водѣ, приобрѣла свойства земноводныхъ. Въ институтѣ Карнеджи удалось вырастить крысъ вдвое больше нормальныхъ и измѣнить полъ лягушекъ и птицъ.

— Все это, впрочемъ,—заявилъ д-ръ Ридль,—опыты вчерашняго дня. Завтра же наука приступитъ къ выработкѣ методовъ воздѣйствія на природу человѣка.

Конечно, результаты, о которыхъ говоритъ д-ръ Ридль, скажутся не сразу. Для того, чтобы получить новую расу людей, нужно будетъ начать работу съ родителей и затѣмъ систематически заниматься „передѣлкой“ слѣдующихъ поколѣній, начиная съ ранняго дѣтства.

И. Лукаш

ПУТЕШЕСТВИЕ НА МАРС

Вы предложили мне изложить историю моего путешествия письменно. Конечно, не так легко это сделать, но я постараюсь быть отчетлив и краток, освещая лишь основные события.

Как Вам известно, по профессии я инженер, а по специальности химик. В 1918 году, покинув Россию, превращенную в синюшную мертвецкую, — я отправился в Англию, имея лестное предложение на знаменитые химические заводы «Джорджа Саунтон и К°» в Манчестере.

Еще ребенком, еще гимназистом, еще в первых днях юности моей, — любил сидеть я у звездных окон в ночи <...> Книги по астрономии — были моими любимыми книгами, а мечта о полете, о возможности побывать на ближайшей к нам звезде, — была затяжной и постоянной мечтой моего одинокого отрочества.

Я знал, что Марс есть тот ближайший к нам мир, где все условия жизни вполне соответствуют нашему земному бытию, и я допускал, что на Марсе могут быть люди, — наши звездные братья.

Всегда, как я помню себя. — хотелось мне повидать ту близкую и бесконечно далекую, непредставимо-прекрасную и непредставляемо-фантастическую, звездную, но нашу человеческую жизнь на Марсе.

Землю я особенно не любил, а когда я потерял единственное, ради чего стоит жить на земле, — свою родину, мысль о полете на Марс стала повелительной мыслью всей моей жизни.

И вот, на химических заводах мистера Джорджа, где заведовал я воздухоплавательным отделом, — удача и случай натолкнули меня на решение еще никем не решенной задачи.

18 апреля 1921 года я открыл основные принципы моей летательной световой машины, «Светосилы А», как значилась она в первых моих чертежах, ныне мною утерянных.

Было бы очень долго, да и бесплодно, излагать Вам лабиринты запутанных формул, тот хаос химических сочетаний и ту цепь математических сочленений, — среди кото-

рых я обрел принцип моего полета на Марс. Скажу только, что сам принцип был прост, как просто все гениальное.

Ежели солнечный свет пролетает пространство со скоростью около 300.000 километро-секунд, — такой же световой скоростью должна обладать и моя летательная машина.

Здесь на помощь мне пришло — всем известное световое излучение радия. Изучение свойств радия дало мне возможность построить гигантской силы радиоактивные пластинки, а углубленным изучением спектрального анализа я отыскал магнетический полюс радиопритяжения на Марсе. Этим — я победил силу земного притяжения.

4 декабря 1922 года моя крайне портативная световая машина была мною изготовлена: с виду это были четыре радиоящика свинцового цвета, прикрепляемые системой ремешков к рукам и ногам.

Я должен указать, что заканчивал я свои работы уже в Берлине, куда переехал из Манчестера в конце ноября. Здесь, в моей частной лаборатории на Уландштрассе № 90, приветливая и добрая хозяйка моя фрау Брунс, — позволяла мне всю комнату заваливать чертежами и даже прожигать полы и стены при химических моих опытах.

Надобно сказать, что сын фрау Брунс, студент математических наук Генрих, незадолго до моего приезда сошел с ума, отыскивая формулу «потери земного веса», при обладании которой человечество могло бы победить три измерения своего физического тела и ступить в область внетелесного четвертого измерения.

К сожалению, Генрих формул своих до конца не довел, сойдя с ума. Тем не менее, почтенная фрау Брунс не верила врачам, отправившим ее сына в желтый дом, и продолжала считать своего Генриха гениальным математиком. Мой искренне восторженный отзыв о гениальных попытках студента сделал нас с фрау Брунс крепкими друзьями, и мне было позволено все....

Итак, 4 декабря — моя Светосила была готова.

Утром, 5 декабря, я решил начать мой полет. Путешествие не волновало меня, в расчетах своих я был тверд

вполне, а бесчисленные лабораторные опыты точно подтвердили все мои выкладки, — но не хотелось мне ни убогой газетной шумихи, ни ослиного вопля варваров в профессорских сюртуках. Поэтому я решил свершить свой полет в полной тайне.

Утром, 5 декабря, я распахнул примерзлое за ночь окно и стал на подоконнике. Внизу белела улица: за ночь выпал пушистый и рыхлый снег.

Учитывая полет сквозь ледяные воздушные пространства, я накрепко закутался в шерстяные фуфайки и одел поверх всего шубу. Помню, когда я пустил в ход систему моих ременных тросов, на моих карманных часах было без 13 минут 9.

Я поднял руки и ступил из окна в беловатую бездну...

«Светосила А», как я уже говорил, — быстрее солнечного луча, и потому, разумеется, в вихре полета я немедленно потерял сознание.

На земле люди отсчитывали свои версты, часы, секунды, годы, а может быть, и столетия, а для меня, — в световом вихре полета прошло не более мгновения беспамятства.

В звездных просторах я летел, как пылинка света. Повторяю, весь мой полет в волнах света был не более обморочного мига...

Я очнулся, почувствовав боль от удара. Какие-то люди, бородатые и на вид добродушные, склонялись надо мной. Я слышал тревожные и смутные голоса. Чьи-то руки пробовали поднять меня, но я сам вскочил на ноги и радостно сорвал с головы мою меховую шапку —

— Слава Богу, я на Марсе!

Земля бесконечно далеко. Бесконечно далеки ее муки, ее ложь и подлость, голод и кровавое истребление и все ужасы моей родины, что теперь дышит там, бесконечно далеко в звездных пространствах, холодом смерти на всю вселенную... Я протянул руки этим звездным существам, я жал и стискивал чьи-то пальцы.

— Марсиане, марсиане... Вы впервые видите пред собой сына далекой Земли.

Кругом меня все были одеты по-зимнему. Меня удивил покррой их пальто, близко напоминающий наш, земной. И лица марсиан меня удивили: точно земные лица, серые и озябшие, в морщинах, обрюзглые и с мешками около глаз. Все марсиане дышали мерзлым паром. «Значит, и на Марсе бывают зимы», — подумал я.

— Откуда вы упали? — взял меня за борт шубы пропеченный морщинами старик с багровыми, видимо, отмороженными щеками. Клеенчатой фуражкой с козырьком и синей пелериной этот старик очень походил на земного, берлинского возницу. Странно, — но я понял его. Старик говорил как будто на грубом немецком языке.

— Я не упал, а прилетел с Земли, — ответил я старику.

— С Земли, с Земли, — засмеялись вокруг. — Подите выпастаться, иностранец.

— Этот русский пьян, как свинья.

— Русские всегда скандалят.

— С Земли, с Земли — ха, ха, ха...

За моей спиной смеялись сипло и простуженно, — я еле вырвался из грубой толпы. За углом я очистил снег с колен и с груди.

Улицы, улицы.... Как странно, как тягостно знакомы марсианские улицы, громады серых, тяжких и холодных домов, а на всех углах одинаково черные стеклянные вывески с одинаковыми белыми буквами «Cigarren».

На углу я увидел обычный газетный киоск, а в киоске старушку-газетчицу, обернутую байковыми платками. Но ведь я знаю эту газетчицу: каждое утро она продает мне газету и каждое утро жалуется мне, что марка все падает, что маргарин дорожает, что в Германии будет голод и зимой придут большевики...

Я побежал, дрожа от ужаса. Все это походило на сумасшествие. Я потерял на бегу мои радиоящички, я обрывал с пальцев тонкие плетения моих летательных тросов. «Сумасшествие, сумасшествие, — думал я. — Весь мой полет — бред безумия...»

Меж облетелых деревьев мелькали автомобили, провизжал на железных рельсах красный трамвай. «Я безумен, —

подумал я, — у меня один путь — под трамвай...» Но в эту минуту попался мне навстречу малыш-школьник. Я хорошо помню его румяное на свежем холоде лицо, и голые крепкие ножки в коротких синих штанишках, и рыжий ранец за спиной. Я тронул его за плечо:

— Постойте... Скажите, это город Берлин?

— Ну конечно, Берлин, — изумленно и тревожно глянул на меня малыш.

— Значит, я в Германии, в Европе, на Земле?

— Да, да, — где же иначе, — на Земле.

— А это какая улица?

— Уландштрассе... Пустите меня!

Малыш вырвался. Я не преследовал его, я все понял мгновенно: ежели на Марсе все жизненные условия равны нашим земным, то, должно быть, на Марсе все то же самое, что и на Земле, все то же самое, как зеркальное отражение, до мельчайших подробностей.

Марс — двойник Земли. Я понял это и мне оставалось только проверить мое заключение. Я попал в зеркало Земли, и я должен отыскать в нем моего двойника, — самого меня.

В несколько прыжков я был у № 90.

Я влетел по лестнице в пансион фрау Брунс. Меня никто не видел: фрау Брунс, вероятно, ушла на базар.

Проверяя себя, — я нарочно постучал в дверь моей комнаты: ежели я на Марсе, мне должен отозваться мой двойник... И вот я услышал глухой голос:

— Войдите!

Я вошел и увидел, что мой двойник, я сам, идет мне навстречу. Он был в расстегнутой меховой шубе, без шапки, с искаженным, бледным лицом и блуждающими глазами...

Повторяю, — мне все стало понятно: Марс — двойник Земли и обе планеты взаимно повторяют себя во всем, отражая друг друга в каждом движении бытия, как зеркала.

Следовательно, в те мгновения, когда я вылетел на Марс, — мой двойник, после долгих работ и исканий, должен был перелететь на Землю... Почему же я вижу его перед собой

здесь, на Марсе, почему же я разглядываю его в тягостном замешательстве?

— Я прилетел к вам с Земли, — отрывисто сказал я.

— Я понял вас, — отвечал он растерянно и глухо. — Вы опередили меня на $\frac{1}{100}$ секунды. Я шел уже к окну, когда вы в него прыгнули. Еще миг и вы никогда не увидели бы меня: вы бы остались на Марсе, а я, вместо вас, попал бы на Землю.

— Но ведь это то же самое, что Марс, что Земля...

— Теперь я вижу, что то же самое.

— Значит, и на Марсе та же ложь, нищета, злоба и кровь, что и у нас.

— Да, — та же.

— И большевики — вместо России, и поглупелая и оподлевшая Европа, и падение марки, и маргарин...

— Все то же, все то же самое. Как в зеркале. Мы — ваше отражение, или вы — наше, но все то же.

— Это очень скучно.

— Я думаю так же. И знаете что, — лучше вам вернуться на свою планету.

— Но я потерял свою летательную машину, мне не вернуться на Землю, — сказал я.

— У меня машина в порядке. Тогда на Землю полечу я, а вы оставайтесь вместо меня на Марсе... Я лечу, прощайте.

Он наскоро пожал мне руку, бросился к окну и распахнул раму. Через мгновение моего двойника-марсианина не было в моей комнате.

Теперь вы, мой уважаемый и милый доктор, каждый день уверяете меня, что я, разбив в моей комнате зеркало и приняв в нем свое отражение за двойника, — выкинулся в нервном припадке в окно.

Вы каждый день уверяете меня, уважаемый доктор, что я вовсе не на Марсе, а на Земле, и что я вскоре оправлюсь от моих потрясений.

Милый доктор, — Вы меня не проведете... Какая же это Земля, когда я вчера видел здесь, в палате № 8, двойника безумного, бедного Генриха. Мне очень жаль этого поме-

шанного марсианина — виновного лишь в том, что его земной двойник, берлинский студент, — помешался где-то там на бесконечно-далекой отсюда Земле.

В заключение не могу выразить Вам благодарности за тот уход, которым Вы окружили меня в Вашей марсианской психиатрической лечебнице.

О себе скажу, что изредка я хочу снова приняться за чертежи моей летательной световой машины, чтобы с Марса вернуться на Землю, но опасаясь, что тяжкие испытания пережитого не позволят мне этого сделать.

Никогда, неужели никогда не увижу мою Землю...

Доктор, — мне бы Россию поглядеть, не марсианскую, а земную Россию, милую мою...

Россия, Россия — где ты?... Боже, — какой раскаленный обруч давит на голову. Не хочу, не хочу я быть больше на Марсе. Где ты, моя родная земля?

И. Лукаш

ПОТЕРЯННАЯ БОТФОРТА

(Из неизданных записок барона
Мюнхгаузена)

Nix. Nox. Horror...

Присноблаженный Цезарий-Августинец нечто подобное изволит рассказывать об аде — «Снег, Ночь, Ужас». А я смею утверждать, что не лучше адских описаний та страна, откуда я, наконец, милостью Бога, вырвался.

Я говорю о Московии, или иначе Империи Российской, где я был, как известно Вам, в прошлом, 1779 году в январе месяце.

Я не знаю, слышали ли вы что-нибудь о приключениях моих в Риге.

Я прибыл туда из Московии в феврале месяце 1779 года, за полночь.

Рига была темна, как мраморный склеп. Я думаю, что в наших баронских склепах не темнее. Я ехал в наемной карете. Мой кучер ощупью вел лошадей по какому-то деревянному мосту. Замигали редкие, маслянистые фонари. Меж шпичев колоколен и острых черепичных крыш сурово свистал ветер с Двины.

— Скорей гостиницу, харчевню, черт тебя побери, — крикнул я кучеру и завернулся покрепче в мой обмерзлый плащ. Смутно я помню, как визжала под ветром железная вывеска, как мигал огонь в занесенном снегом фонаре. Рига не Париж и даже не Берлин, и, конечно, не моя благословенная Померания. Меня охватила тоска от рижской тьмы, ветра и снега.

А в трактире приветливо пылал камин. На закопченных сводах, под балками, ходили от огня тихие тени. Широкие дубовые столы были пусты. Только за одним, в обществе бутылки вина, сидел такой же ночной путешественник, как и я.

Мне не особенно понравился его узкий синий кафтан с красными пуговицами. Эти пуговицы горели, как тусклые червонцы или пригоршни угольев. Не понравилось мне также, что господин этот без парика и его плоские черные волосы прямыми прядями падают на лицо, а нос злобный и птичий.

Тем не менее, памятуя, что я барон и солдат, приветствовал я его, как подобает всем христианам:

— Добрый день, господин...

А его тонкие губы насмешливо скривились.

— Я бы сказал не день, а ночь.

— Это неважно, — пробормотал я, слегка оскорбленный, — теперь за полночь уже...

— Как за полночь? — изумился мой собеседник. Мне даже показалось, что он побледнел, если только может бледнеть такая коричневая темная маска: вернее, он поседел, а его глаза горячо сверкнули.

— Вы ошиблись, еще нет двенадцати.

— Уверяю Вас, било двенадцать, когда моя карета въезжала в Ригу.

— А, черт возьми!.. — крикнул этот молодчик в синем кафтане. — Хозяин!.. где хозяин?!..

Он отвернулся от меня защелкал пальцами. И тотчас я увидел, что от его щелчков со звоном падают на стол желтые червонцы. «А! — смекнул я. — Вот так встреча...»

Мне достаточно было бросить взгляд на его тень из стены, чтобы я понял, что передо мною сам господин Черт. А на красных пуговицах, что горели, как уголья, я тотчас же разобрал адский герб: оленьи рога.

— Постой, голубчик, не буди-ка хозяина.

И я крепко ухватил его за руку.

— Что Вам угодно? — повернулся он ко мне, оскалив зубы.

— Чтобы Вы рассказали мне Ваш секрет выщелкивания из пальцев червонцев.

— Вы пьяны, барон, вам показалось.

— А, вот как: вы знаете, что я барон! Нет, вам не отвертеться.

И я выхватил шпагу. А на эфесе, как Вам известно, у меня серебряный крестик с двумя рубинами.

— Я тебя тогда закрепщу, чертов сын!...

Молодчик в синем кафтане задрожал, но сделал презрительное лицо.

— К чему эти шутки? Мне вовсе не весело.

— Потрудитесь сказать, господин Черт, почему Вы здесь, в Риге...

— Проездом. Еду из Парижа в Московию.

— Какая цель Ваших путешествий?

Но вместо ответа он быстрым, как молния, движением выбил из руки мою шпагу. Я успел подхватить ее, но Черт был уже у порога.

Дверь распахнулась. Хлынул снег, ветер, тьма.

— Стой, стой, держите! — кинулся я ему вдогонку. Меня хлестнул по лицу его раздутый синий плащ, подбитый красным сукном. Я схватил его за ногу. Сквозь чулок наколот ладони жесткой шерстью...

Что такое, — почтенные мои госпожи и милостивые государи, что такое?!..

Клянусь Лютером, мушкетами, ведьмами, — мы летим, летим...

Я держу его за ногу и повис в воздухе. Раздут подо мною синий плащ, как парус. Под нами вьюга. Снега ходят. Из снеговой тьмы торчат шпицы рижских колоколен.

— Стой, чертов сын! — кричу я. — Не оторвусь, покуда ты не расскажешь секрета твоих щелчков и червонцев.

Вы понимаете, что важнее его бредней были для меня желтые червонцы, прыгающие с пальцев.

Он бил плащом, как крыльями. Вьюга свистала, шипела.

Помню, что длинной загнутой шпорой ботфорты моей я зацепил за какой-то шпич. Ботфорта сорвалась и упала в снеговую бездну. Моя ступня стала замерзать, а пальцы за-костенели...

И я выпустил колючий чертов чулок.

А утром, на рассвете, проснулся я на какой-то кровати, под тюфяками, и пузатый хозяин в ночном колпаке с кисточкой, подавая мне счет, сказал:

— С вас следует за постой два червонца...

— Какие червонцы? Где я? В Риге, в аду, в каком дьявольском трактире?..

— Трактир не дьявольский, а мой, — сухо ответил мне хозяин, — и вы не в Риге, а в Берлине. Потрудитесь платить. Два червонца.

Червонцы, червонцы. Откуда их достать честному барону? Как я ни щелкал пальцами —ни одного, хотя бы об-

резанного, обкусанного, с дырочкой...

И потому, мой друг, что у меня ни червонца, я пишу вам, зная, что Вы придете, как всегда, на помощь честному барону и честному солдату. А за это я расскажу вам другие мои, еще более занимательные и чудесные похождения и приключения.

Барон Мюнхгаузен известный проходимец и враль. Историям его не стоит придавать никакого значения. Они недостоверны заведомо.

Но история его ботфорты, что зацепилась за шпич и упала с неба, совершенно достоверна, хотя и коротка.

На рассвете, 23 февраля, ночной сторож Ян Стукакек, который был известен своим сизым носом даже за Двиной, внезапно проснулся от удара по голове.

Перед ним, в снегу, лежала черная щеголеватая ботфорта немецкого фасона, в широком раструбом. Янек Стукакек почесал шишку на лбу и сильно разгневался. Окна повсюду темны: нигде ни кутежа, ни огня, ни студенческой драки.

Янек застучал в чугунную доску и закричал:

— Караул!...

Ни на той улице, где ботфорта ударила ночного сторожа, ни на других — не находилось ее хозяина.

В тот же день таинственная ботфорта была отнесена в ратушу и ее осматривали знатные горожане, представители гильдий. Хозяина так и не нашлось. Ботфорта была занумерована под № 397 и сдана на хранение в городской архив

Правда, много позже рассказывали, что эта таинственная ботфорта принадлежала будто бы советнику Иоганну Готлибу Шмутцу, которого — именно ею — била ночью у окна по голове его покойная ныне супруга Мария-Марта-Елисабет.

И. Лукаш

ТАБАКЕРКА

Вы слышали историю дедовской табакерки? Если нет, я расскажу...

В этой плоской квадратной коробочке из червонного золота — ничего примечательного нет. Чеканные по краям виноградные грозди полустерлись и потускнели, на верхней крышке радужным веером, подобно заре, переливается выпуклый перламутр, а когда крышку откроешь — сияет на старом золоте тонко резанная, между перевитых лентами тимпанов и флейт, крошечная танцовщица. Ее туника вздута пляской, пряди волос взметены и, кажется, еще дрожит в замкнутой руке тамбурина, не остывший от танца...

От старых времен дошел домашний рассказ, что эту перламутровую табакерку с золотой танцовщицей выиграл мой прадед Африкан Спиридонович, императрицы Екатерины Великия капитан-командор, ордена Святыя Анны кавалер и масон — Розенкрейцер.

А выиграл он ее в карты, на втором абцуге фараона, буд-то от самого графа Калиостро. Потому-то на нижней крышке между тимпанов и флейт вырезаны старинные круглые буквы: «К. 1780. С. П. Б.»

Мало кому известно, что прадед мой был весьма близок Ивану Елагину, всех российских масонских лож Гросс-Мейстеру, и что именно он, вместе с графом Калиостро, когда тот был в 1780 году в Санкт-Петербурге, — на елагинской загородной даче, в подвалах, плавил в тигелях всякую чертовщину, отыскивая философский камень и золото.

Золота, конечно, они не нашли, а испанский полковник, Великий Кофта египетских лож, целитель и граф, шарлатан и обманщик Джузеппе Калиостро вскоре покинул столицу. Говорят, что он вылетел из Петербурга ночью, раскинув по воздуху свой черный испанский плащ.

Я верю, что он бежал так. Есть старый рассказ, что на шпиге адмиралтейства долго еще бились под ветром черные лоскутья, куски графского плаща, которыми он зацепил золотой адмиралтейский кораблик.

Как бы там ни было, но от Калиостро досталась прадеду чудесная табакерка. Получив абшид, прадед вышел в отставку и скрылся в своих тамбовских деревнях. Что де-

лал он в старом доме, точно никому не известно, но старики-дворовые до могилы божились, что по ночам в окнах мелькали огни, играла огромная музыка и были слышны флейты и смех.

Обросший щетиной, угрюмый, в кармазинном кафтане, закиданном табаком, прадед мой редко появлялся на людях, постукивая своей тяжелой тростью. Усадьба стояла запущенной. Английские пруды затянуло зеленой тиной, обвалились каменные львята у въезда, дорога заросла травой. Прадед мой разорился на изобретении *regretuum mobile* и воздушной машины для полета на дуну.

А когда он помер, «Срочьи Рощи» были проданы в казну, и дед мой, Андрей Африканович, был уж бедным субалтерн-офицером Изюмского гусарского полка. А кончил он тоже странно: полк бросил, уехал из столицы и стал малоизвестным поэтом.

Тоже и дядя мой, и другой дед, — все это длинная история о бедняках-музыкантах, о скромных стихотворцах, о давно забытых художниках.

И был я молодым студентом, когда мать рассказала мне, что ходит глухая легенда, будто граф Калиостро, проиграв ставку деду, бросил на стол не табакерку, а живой кусок дьявольского золота, адский жар...

Конечно, в тот же вечер я рассматривал табакерку. Надо сказать, что в тот год я был влюблен, весело и светло, а в тот вечер, когда тайком разглядывал табакерку, — я пришел со свидания, на котором она ответила мне — «люблю»...

Поднял крышку — какие пустяки, — пыльный плоский ящичек тусклого золота, который, вероятно, удобно было носить в карманчике атласного камзола, перламутр, и эта золотая танцовщица с тамбурином.

Я стал пристально разглядывать ее. А табакерка вдруг зашевелилась на моей вытянутой ладони, крышка мягко откинулась, щелкнула.

И прыгнула на крышку смуглая золотистая девушка, совсем маленькая, как стрелка. Она вполне умещалась на моей ладони. Вот она повернулась ко мне, закинув над головой тамбурин, вот понеслась в быстром танце, и замелькало в

моих глазах сияние ее золотой туники. Крошка пела в тихом ропоте тимпанов и флейт.

Я хорошо понял, — она пела о том, что лучше всех танцев земли ее золотистое мельканье и что она лучше всех девушек, прекраснее всех невест.

И как будто узнал я маленькое личико танцовщицы. Это была та, кто сказала мне сегодня «люблю». Но личико сморщилось, и видел я, как западает крошечный рот, как клювом стягивается маленький нос к подбородку — и вот, постукивая клювом, покатила по моей ладони старушка и села, покачиваясь, на мой указательный палец, как золотая горошинка. Но рассмеялась и снова сбежала маленькая золотая вакханка — «смотри, твоя невеста состарится, а я никогда. Все стареет на свете, кроме мечты».

Крышка щелкнула, табакерка покатила по моей дрогнувшей ладони: за моей спиной кто-то приоткрыл дверь...

Что же еще? Мой прадед изобретал машину для полета на луну, деды были плохими стихотворцами и неизвестными музыкантами, школьные этюды отца еще и теперь пылятся в папках Академии Художеств. И вы знаете, что я пошел следом за ними и что не отказался бы я даже и от полета на луну... А когда ринулась на нас эта революция — мы бежали из Петербурга. Дедовской табакерки я больше не видел. Вероятнее всего, что попала она на толкучку, на Александровский рынок, в пыльную ветошь антикварных лавчонок. Не видел я больше и невесты...

Мне хочется вам только сказать — было бы ошибочно думать, что граф Калиостро проиграл прадеду моему живой кусок дьявольского золота. Дьявольщины тут нет ни на каплю...

Правда, Калиостро был великим обманщиком и великим шарлатаном, но он же, милостью Божией, был и великим мечтателем.

И. Лукаш

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

О, Гаарлем, тихий город. Город белых чаек и белых чепцов. Женщины твои холодны и прекрасны, как зимние зори, а походка их легкий бег корабля.

Кто не знает, что Елизабет, девушка из Гаарлема — невеста капитана Андреаса Ван-Деркиркена?

На нем черный камзол с кружевным белым воротом, черная шляпа с алмазною пряжкой, черного шелка чулки на крепких икрах. Ловок и силен капитан Ван-Деркиркен. Пусть говорят люди, что дедом его был испанец, — оттого он и смугл и черноволос, — все равно нет краше его молодца во всем Роттердаме, на всех фрегатах и бригантинах Голландии.

В день, когда на кирпичной стене кирки зазеленела жимолость, обручил их старый пастор Якобий, тот самый, что зимой и летом обвязывает морщинистую шею шерстяным шарфом....

О, Гаарлем, тихий город.

С утра жимолостьхватило морозом, а бриг Ван-Деркиркена уже качался с утра на якорях, в открытом море, за маяками. С роттердамскими молодцами уходил в Ост-Индию капитан Ван-Деркиркен.

По заднему высокому борту ясно горели на холодном солнце окошки стеклянной галерейки. Веревочные лестницы-ванты пахли смолой. Корабельные маляры выкрасили в зеленую свежую краску точеную на носу брига Богиню Морей, позолотив ее чешуйчатые нагрудники. Уже крепили серые паруса гротмарсели. Свистал морской ветер в стеньгах, у бизань-мачты и на площадках гротмарсов...

О, прощай Андреас, нареченный жених.

У гребцов красные колаки и засучены по локтей рукава холщовых рубах. Враз поднимаются желтые весла.

Все дальше мокрые взмахи весел, а капитан как черная точка. Влажен ясный воздух, зелен простор вод. Над курчавыми дорожками серой пены низко и тяжело летят чайки.

— Нам пора бы домой. Не видать уже их за маяком.

Оглянулась Елизабет, а за нею старая госпожа Анна утирает слезящиеся глаза. Ее глаза слезятся от ветра. Не пла-

чут на проводах невесты и матери капитанов. Ветер шумит в ушах, отдувая им крылья белых чепцов...

Ушел голландский бриг Ван-Деркиркеиа и до самой Англии погонятся за ним чайки.

Тих и уютен дом госпожи Анны, вдовы капитана Ван-Остаде, который без вести пропал в дальних морях еще в 1645 году, когда стояли в Гаарлеме такие морозы, что воробьи падали с колоколен. А теперь в дальние моря ушел и сын госпожи Анны, мальчик Питер с карими, ясными глазами. Ушел юнгой на бриге капитана Андреаса в Ост-Индию.

— Благослови его Бог, — утирает слезнику у глаз старая госпожа Анна. — Мальчик обещал мне из Индии пригоршни бирюзы, а вернулся бы сам. Поди, вернется с усами, будет говорить грубым голосом и курить, как отец, глиняную трубку, пуская дым из ноздрей.

В тихом доме госпожи Анны окна в свинцовых переплетах, тюльпаны белые и пунцовые на подоконниках. Кошника умывается лапкой на пороге, устав играть клубком шерсти. Над камином — модель деревянного корабля.

Вечерами слушала Елизабет рассказы старухи о бурях и погибших капитанах. Сколько было таких вечеров, — не запомнить невесте Елизабет.

Кошка принесла котят. Мяукали и возились котята в корзинке под очагом. Пролетали за окном чайки и далекие паруса, надутые ветром, как чайки.

На рассветах вставала Елизабет, расчесывала прохладное золото волосы и напевала тихую песенку о своем суженом:

Ходит в дальних морях крепкий бриг. В снастях ветер поет о Голландии и стонут высокие реи, а штормовой парус-грот бьется, как ее сердце.

Было в инее зимнее окно, когда на деревянном гребне увидела Елизабет седую длинную нить.

— Я нашла в косах седую нить, а моего Андреаса все нет, — сказала она в тот день старой госпоже Анне.

— Терпи, девушка. Все мы терпим разлуку.

Так отвечала госпожа Ван-Остаде.

Зимы и весны, весны и зимы. Помер Якобий, добрый пастор, что шею повязывал шарфом.

Люди говорили о новых войнах, о богатствах чужих земель. Из Амстердама привозил почтарь куранты, а в них было напечатано о дальнем Царстве Московии, что за Белым морем, а в царстве — ледяные дворцы и люди все бородаты и огромные, словно медведи. Морского змия видели французские корабли в Тихом Океане. Огненная гроза разразилась над Венгрией: раскаленные камни падали с неба. Бог, как видно, приказал открыть форточки в облаках и ангелы громили землю горящими ядрами. Спаси, Боже, Голландию от небесной Твоей артиллерии.

А о бриге Ван-Деркиркена не было вести ни в амстердамских курантах, ни в базарной молве, ни в кирках.

На Рождество Христово погляделась Елизабет в свинцовое зеркальце, а в золоте ее волос протянулись пряди белого серебра. Заплакала невеста Елизабет. Пришла к госпоже Анне и говорит:

— Волосы мои побелели как снег, а жениха нет. Старую девушку он найдет, а не молодую невесту.

— Ты думаешь, вернется к нам бриг? — покачала головой госпожа Анна. — Они не вернутся. Погиб твой жених и мой сын.

— Нет, Бог того не захочет.

Так ответила Елизабет и вышла из дома вдовы Ван-Остаде.

Мело, кружило белые снежинки над морем и мостовыми. В гавани и на набережной бродила старая девушка, спрашивая всех, но видел ли кто ее жениха, честного капитана Ван-Деркиркена из Гаарлема.

А в гавани стоял английский стопушечный фрегат. Рыжие, долгозубые Блэки и Джэки — известные вральи, но говорили они, что не встречали на морях капитана Андреаса. Его не встречали, во вот у Мыса Доброй Надежды ходит теперь страшный корабль. Ходит голландский бриг у Мыса Доброй Надежды. Как будто бриг, а на нем — мертвецы. В сильную бурю, когда торопился домой голландский капитан, настиг его противный ветер у Мыса Доброй Надеж-

ды. Приказал тогда капитан поднять все штормовые гроты и нечестиво поклялся обогнуть Мыс, даже если пришлось бы ему бороться с ветром до дня Страшного Суда.

Услышал Бог нечестивый вызов и обрек капитана и команду бороться с ветром до прихода Судии, не огибая Мыса. Многие корабли видели призрачный бриг и прозвали его Летучим Голландцем.

Не поверила Елизабет Блэкам и Джэкам и подумала со вздохом:

— Господи, Ты ли, Всесильный, будешь карать тех людей, которые торопились домой к очагам, к невестам и женам?..

У Господа Бога — дел много. Не одно наше солнце и не одна земля содержатся в руке Его, а не сказать — сколько солнц и сколько земель.

И прошло много лет, а то и столетий, покуда до слуха Божьего долетел вздох старой невесты из Гаарлема.

Нахмурился Господь Бог. И бури дохнули на океаны. Два королевства объявили друг другу войну, а в Богемии на корню померз хлеб...

— Разве я приказал до Страшного Суда биться голландскому бригу с ветрами? — спросил Господь Бог Архангела Гавриила.

— Да, Господи, — Ты приказал.

— Пойди и узнай...

И полетел Архангел в океаны. Крылья его, как шумные облака грозы, а полет, как смерч, что взвивается от волн до неба.

И у Мыса Доброй Надежды увидел Архангел старинный бриг.

Тенью летел корабль против тяжкого ветра. Источена волнами и в черных космах водорослей Богиня Морей на носу. Ключья оснастки, лохмотья веревочных лестниц. Ржа и соленые волны проели борта. Режет бриг седые горы пены. Шумят прорванные паруса.

Сошел Архангел на палубу, пали белые лучи от его серебряных лат.

Видит Гавриил матросов-мертвецов — одни черепа, кости да глазницы. Вздуты ветром истлевшие рубахи. Тот

крепит реи, тот вцепился в ванты, тот тянет обмерзлый канат, тот пригнулся с погасшим фитилем к амбразуре, наводя пушку.

Окостенели, обледенели матросы со дня капитанской клятвы.

А на капитанской вышке, в истлевшем черном камзоле, без шляпы, стоит капитан Ван-Деркиркен. Вздуты ветром на черепае длинные волосы. Глазницы темны, оскалены белые зубы. Положил одну руку на голову юнги — белый скелет от юнги остался, — а другая протянута вперед, угрожая ветру и буре костлявою кистью.

Архангел Гавриил все рассказал Господу Богу. Еще грознее нахмурился Бог. И оба королевства истекли кровью в жестокой битве, а в Богемии настал голод....

— Я был неправ перед бедной невестой, но Я все исправлю.

Так сказал Господь Бог и улыбнулся. А в день улыбки Его кончилась на земле Великая битва народов, когда свержен был император французов Наполеон Бонапарт и первый паровоз подал в Англии свой первый гудок. От невесты Елизабет и от старой госпожи Анны и пыли не осталось в гаарлемских могилах.

Но как улыбнулся Бог, — утром в день Рождества, — с легкими снежинками, поднялись в Его горние страны и Елизабет и старая Анна из Гаарлема.

А в океане в то туманное утро Рождества со свистом и шумом оторвался от волн к облакам громадный остов корабля Ван-Деркиркена. Надул ветер посвежевшие крепкие паруса. Ясно заблистали разбитые стекла галереи по заднему борту. Вновь осмолились все снасти. Золотом засверкали чешуйчатые нагрудники Богини Морей на носу.

Ясный румянец облил лица команды. И у всех заиграли зарею глаза, а волосы заметал ветер.

— Какая долгая была ночь. Ты промерз, Питер? — спросил капитан Андреас, отнимая руку с головы юнги.

— Есть, капитан, — засмеялся мальчик, — темная была ночка, точно мы все сидели в погасшей печке.

— Но противный ветер, слава Богу, утих. — Эй, вахта, видна ли Голландия?

— Видна, капитан! — закричали с гротмарсов.

И замахали все колпаками. И обнимались и плакали.

А вдали уже сверкали солнцем белые маяки, тянулась полоса зеленого берега и пролетали прибрежные чайки. Капитан Андреас потер озябшие руки.

— Слава Богу, к свадьбе я буду дома. И повенчает нас старый Якобий.

У Бога рай для людей так устроен: та же земля, те же моря и земли и океаны, та же Голландия и тот же Гаарлем. Но живут в Его райских странах только добрые люди, только светлые и счастливые.

Смотрел Бог, как торопится к Его берегам Летучий Голландец и как машет ему с берега белым платком молодая невеста Елизабет и старая госпожа Ван-Остаде.

Смотрел Бог и улыбался.

Человѣкъ будущаго.

Что будетъ представлять собой человѣкъ въ далекомъ будущемъ?

На этотъ интересный вопросъ пыталась дать отвѣты нѣсколько выдающихся американскихъ ученыхъ, сдѣлавшихъ доклады на недавно состоявшемся въ Вашингтонѣ конгрессѣ антропологовъ. Доклады этихъ ученыхъ дали рядъ довольно курьезныхъ прогнозовъ, къ которымъ можно относиться, конечно, какъ угодно.

Нѣкоторые антропологи выразили, напр., увѣренность, что ростъ нашихъ отдаленныхъ потомковъ будетъ гораздо большимъ, чѣмъ ростъ нашихъ современниковъ. Одинъ чикагскій профессоръ даже заявилъ, что въ 4000 году человѣкъ достигнетъ роста въ 3 метра. Съ другой стороны, одинъ нью-йоркскій антропологъ выразилъ убѣжденіе, что дальнѣйшій ростъ человѣка коснется только его мозга. Люди будущаго будутъ меньше ростомъ, но зато ихъ черепа будутъ значительно больше. Ноги и руки человѣка будущаго будутъ слабѣе, меньше и нѣжнѣе, чѣмъ наши, ибо человѣческія конечности у будущихъ поколѣній будутъ все больше и больше обречены на бездѣятельность. Количество зубовъ сильно уменьшится, зубы будутъ меньше и слабѣе, т. к. въ далекомъ будущемъ человѣческая пища не будетъ нуждаться въ томъ, чтобы ее раскусывать крѣпкими зубами.

Нѣкоторые докладчики посвятили свои рѣчи характеристикѣ душевныхъ качествъ человѣка. Одинъ ученый изъ Кливленда заявилъ, что въ ближайшемъ тысячелѣтіи человѣкъ получитъ способность при помощи электрическаго тока руководить своей волей, усиливать и ослаблять ее по собственному желанію, а также вліять на свои личныя качества и свойства.

В. Немирович-Данченко

КЛАД ВЕЛИКОЙ ЦАРИЦЫ

I.

В палящий зной у царственных руин, когда все живое и дышащее искало спасительной тени и только выползали из золотых песков, как раскаленные металлические шнурки, медно-красные змеи под беспощадное солнце, — мне рассказали это предание.

К чудовищному пилону, точно комок грязи, прилеплась арабская хижина.

Пустыня кругом неподвижна и мертва. Мертво и небо. В его опаловой бездне ни одного крылатого хищника. Тишина...

Старый шейх у порога. Закутался в белый муслин. Медленно из-под серебряных усов падают размеренные слова.

На бледном бескровном лице чернеют нетронутые седною брови и длинные ресницы. Нет-нет да и приподымутся. И острый горящий взгляд точно сверлит слушателя.

Да... было иное время. И другая картина представляется мне:

У громады великолепного храма Горуса пальмовые рощи. Могучие сикоморы глубоко врылись в податливую землю узловатыми, некрушимыми корнями. Точно опираясь на них, все выше и выше стремились пышные вершины, где бесчисленные стаи славил великого Бога. А крутом, как и сейчас, расстилалось желтое безмолвие пустыни, грезившей миражами. Денно и ночью в прохладном сумраке несравненного капища горели жертвенные огни и меланхолические струны нежных сестр пели хвалу таинственным силам, хранившим счастливый Египет.

Задолго до Антония, Клеопатра, тогда еще юная, обручилась здесь Гору.

Жрецы благословили ее духовный брак, и прекраснейший из них заменял в этом удивительном обряде самого бога. Он возлежал с нею на сверкавших изумрудами носилках и на золотом пиршественном ложе среди пышных роз и лилий верхней страны Пирамид.

Утром его нашли бездыханным в брачной постели.

И все поняли — Гор убил счастливого, ибо огнеобильный бог, как и простой смертный, не терпел соперника. Жрецы, впрочем, пояснили иначе: заместивший, хотя бы и на одну ночь, Гора стал и сам равным богам, и потому новая отчизна призвала его в незакатное царство вечной радости.

Тело молодого жреца, насыщенное драгоценнейшими ароматами, опустили в глубокий колодезь под самым храмом и царица, сняв с шеи великолепное жемчужное ожерелье, обвила им погребальный покров мумии как залог того, что она будет оплакивать его столько дней, сколько в нем драгоценных розовых зерен.

И с ожерельем швырнули в вечный мрак колодца медно-красную змею, чтобы она хранила царственный дар Клеопатры.

II.

Я уже неделю жил у старого шейха.

К одному из притворов храма, как ласточкины гнезда к утесу, припала жалкая глиняная деревня бедных феллахов, но в величии божественного храма ее нельзя было отличить от куч щебня и мусора. Феллахи держали тощих ослов для путешественников, жили случайными подачками, «черви развалин», как звали их копты окрестных городов.

Раз к павшему святилищу великого Гора подъехали англичане.

Трое, молодые, радостные, веселые.

Только что окончили Оксфорд и эта поездка была медовым месяцем их свободы. Шум их голосов и смех странно звучали, теряясь в строгих синих тенях среди могучих колонн и пилонов.

Такое же, как и сегодня, опаловое небо жгло груды камней и пески. Привыкшие к благоговейному молчанию старого храма, забытого храма, арабы дрожали, ожидая мести оскорбленного, загадочного владыки этих святилищ.

Англичане слышали легенду об ожерелье Клеопатры.

Младший вымерил глубину погребального колодца: оказалась далеко не так велика, как говорили феллахи. Они ведь эту нору вели чуть не в самые недра к шайтану. А может быть, ее тоже завалило щебнем и занесло песком. Предприимчивый, привыкший к смелому спорту юноша навязал на веревке узлы, сделал петлю на конце и сел в нее: «Моя будущая невеста получит ожерелье Клеопатры» — смеялся он.

Зажег смолистый факел и скоро в глубине колодца уже чуть багровел его гневный глаз. Тускнул, точно жмурился, пока не обратился в едва заметную красную точку, точно там, в глубине, мерещился потухающий уголек.

Прошло полчаса.

Товарищи кричали что-то в нору.

Нора молчала.

— Ему некогда.... Ищет.

Минул час.

Оставшиеся вверху встревожились.

Дергали веревку. Веревка была натянута.

Вдруг из самых недр земли донесся отчаянный вопль и замер.

Уголек погас давно. Вопль прозвучал из сплошного мрака.

Перепуганные, опять дернули веревку.

Юноша, должно быть, держался на ней, потому что там чувствовалась тяжесть. Второй живо спустился туда и скоро задергал веревку снизу, крича что-то невнятное, точно внизу гудело.

Третий позвал арабов.

Ему одному было не под силу вытащить своих из таинственного мрака.

— Старый бог сердится... Старый бог не хочет у себя людей.

— Старый бог истребит и нас с нашими женами, детьми и ослами.

— Мы не можем идти против воли старого бога. Тебе хорошо: ты уедешь к своему богу, а мы останемся здесь, с

нашим.

Им англичанин грозил револьвером — не помогло.

Старый бог был страшнее....

Тогда он купил у них осла. Сделал ярмо и привязал к нему веревку. Осла погнали и он потянул ее за собою. Англичанин с отчаянием всматривался и вслушивался в тяжелый мрак, как черная жидкость заливавший колодезь. Там все теперь зловеще молчало. Через несколько минут почувдился неясно какой то вращавшийся узел. Еще мгновение и в узле этом разобрали два сплетшиеся тела.

Один еще дышал... Он только и мог проговорить:

— Там... змеи... Много... много.

И умер.

Оба были покрыты укусами. И в руки и в лица.

.

Змеи исполнили заклятье царицы.

Жемчужное ожерелье осталось на дне колодца.

Ядовитые сторожа могилы, в которой более двух тысяч лет спал соперник могущественного Гора, отомстили нечестивым за осквернение святыни...

Потом арабы, чтобы кто-нибудь еще не покушался раскрыть грозную тайну погребального колодца, засыпали его песком, завалили камнями.

Пустыня по-прежнему лежит кругом раскаленная и грежит миражами. Высоко в опаловое небо возносятся мощные руины.

Когда я уезжал отсюда, был вечер.

Ливийский запад, сказочная страна Магреба, весь горел в багровом закате. Казалось, за ушедшим богом-солнцем еще влачится по небу его пылающая мантия. На востоке, как громадная бледная полураскрывшаяся роза, плыла луна...

Я уже не видел глиняных гнезд феллахов.

Но чем дальше, тем выше казались над отцветавшими песками пилоны и столпы великого Гора.

— Да благословит твой путь старый бог. Ты ничем не оскорбил его памяти в пустыне. Старые боги не умирают. Они только уходят в покой, пока Аллаху будет угодно снова разбудить их к жизни.

И белый шейх высоко поднял надо мною свою высокую руку.

В. Немирович-Данченко

ОАЗИС ПРОХЛАДНЫХ ВОД

I.

Мы шли по высохшему руслу Уэд-эль-Амра.

Солнце, точно чудовищный воспаленный глаз, уже налилось кровью.

Горячею кровью заката.

Гребни и холмы бурых песков запылали раскаленной медью.

Меланхолически звучали бубенчики верблюдов и медлительно вытягивались их змеиные шеи. Корабли пустыни точно пили воздух, обдававший невыносимым жаром наши обгоревшие лица. Животные хотели уловить первое свежее дыхание оазиса.

Багровое солнце слепило.

Целый день обманывали миражи до того, что под конец мы зажмуривались, стараясь не видеть их. Зато теперь мы не отводили глаз от огнистого запада. На нем должны были четко и резко обрисоваться черными профилями пальмовые рощи Аль-Гаруана.

Но пока в ровном полыме Магреба еще не выступали их очертания.

Мы, как сосуды, были полны до краев горючим светом.

Помню только одно: покачиваясь на своем дромадере вправо и влево, вперед и назад, я переставал сознавать, что делается крутом и, брось меня спутники, я бы не нашел силы сопротивляться, пожалуй, не понял бы, в чем дело и умер без всякого представления о том, что через минуту меня уже не будет.

Солнце быстро уходило за раскаленные пески. Там точно припал к земле пожар. Затягивались синюю тенью только что пламенившие гребни, как вдруг (я едва удержался) наши верблюды как струна вытянулись и, отмеривая саженными шагами пространство, стремительно понеслись вперед.

Скоро на алом рубчике дня выступило что-то.

— Гаруана!

Радостно крикнул Ибраим-бен-Саид.

- Оазис прохладных вод.
- Куба святого старца.
- Да будет благословенна память Эль-Даима.

Точно в мутной дали мне вспоминаются теперь последние минуты мучительной дороги. Но я помню первые выбежавшие нам навстречу приземистые искривленные пальмы, полусожженные и почти занесенные песками пустыни. Несколько таких и совсем высохли в ее жгучих объятиях. Но чем дальше, тем выше подымалась эта «радость Аллаха». Выше и стройнее и вместе с этим повеяло свежестью.

Казалось, чья-то нежная рука едва-едва касается наших лиц.

— Там, где вода и пальмы, носятся незримые смертным души. Добрые, они все-таки не знали пророка и не поклонялись Единому. Но он справедлив. Он избавил их от адской муки и уничтожения. Когда вся земля будет очищена огнем — его спасительного гнева — тогда и эти блуждающие души внидут в небесный оазис Его рая облеченными в прекрасные тела. А пока им дано витать в пальмах, в их прохладе, у чистых вод «Нарушенной клятвы».

— Что значит это имя?

— Есть и другое: Эль-Даим. Так назывался последний праведный шейх оазиса, этого и лежащих к западу до самого Тафилета.

II.

Давно это было.

Эль-Даим слышал о великом пророке.

Сердце шейха склонялось на восток, к великой тайне чудесного черного камня, упавшего с неба и повисшего в воздухе над землею.

Чудеса священной Каабы пленяли его воображение и он часто во сне над золотыми песками видел синюю тень тысячебашенных Мекки и Медины.

Между ними и оазисом Эль-Даима был халифат Великого Амру.

Праведный шейх послал к нему мудрых старцев, чтобы те узнали божественные заповеди Аль-Корана.

Амру принял их достойно.

— Я сам иду к вам с своими улемами, чтобы научить народы пустыни, как в любви и смирении надо чтить аллаха. Укажите мне только путь, через раскаленную область его гнева, которою как огненным кольцом надежнее стен и крепостей он окружил Эдем ваших прохладных вод.

И выступил во главе сильного отряда.

Старцы недоумевали.

— Зачем тебе столько вооруженных людей? Мы мирные землеробы. Наши боги, которым мы до сих пор поклонялись, избавили нас от хищного зверя и ядовитой змеи. Наши стада плодятся и множатся, не зная страха, потому что о львах нам только рассказывали странники, посетившие горы Атласа и Таирана. И мы таких львов увидели только здесь, на золотых цепях у врат твоего Алькасара. Сердца наши преисполнились ужасом, потому что у нас нет цепей даже на зверя. Мы кротки и свободны....

— Да не смущается ваша душа! Султану и халифу солнечного восхода не пристало, как простому блуждающему дервишу, идти к своему далекому другу — повелителю солнечного заката! Или у вас не хватит воды и фиников для моих воинов?

Старцы успокоились.

И повели Амру через огненное кольцо Аллаха.

Просты и доверчивы были их умы.

В обителях прохладных вод Эль-Даима неведома была ложь.

Но зато лукаво и черно было сердце Султана и Халифа.

III.

Мудрые старцы хорошо знали дорогу.

Всадники Амру, под раскаленным оком беспощадного солнца, всюду находили полузанесенные песками оазисы, где глубоко таились живоносные воды.

Черные шатры Халифа ненадолго бросали тень на золотое блюдо пустыни.

Часто на пути ему попадались, как скелеты павших верблюдов, — останки древних городов, самое имя которых было забыто.

— Жил тут великий народ и дали ему боги много богатства и силы. Но не на добро были они. Выше храмов он воздвигал темницы и жаждущую землю поил горячею кровью рабов. Безжалостны и свирепы были его повелители и когда с той стороны, откуда к нам ползут иногда темные тучи — пришли суровые чужестранные воины, народ-невольник не хотел защищать своих жестоких царей и шейхов. И все погибли! Боги одинаково карают и рабство и насилие.

Милостивый Даим встретил Аиру как старшего брата.

Отвел ему свой дворец, где в сквозные белые арки струилась воскрешающая прохлада...

А сам ушел в пастушьи шатры.

Дал его воинам стада жирных овец.

Тем, у кого в пустыне пали верблюды — показал своих, чтобы они сами выбрали себе сильнейших.

Всем подвластным оазисам приказал принять как отцов и старших братьев улемов Халифа, дабы те могли преподавать им учение великого пророка.

И прежде всего Султан спросил Царя и Шейха:

— Какого бога вы чтите?

— Мы поклоняемся богам земли и воздуха, огня и воды.

— Я видел их капища. И в капищах золотые идолы. Слово пророка не может звучать на оскверненной ими земле. Сначала сожги капища, отдай мне идолов и перебей их жрецов.

Шейх вскинул руки вверх.

— Тебя ли я слышу, Амру! Как я могу перебить жрецов, которые в течение тысячелетий молились о благополучии моего народа, моих отцов и прадедов? Знай, о великий брат мой: нам в оазисах восходящего солнца неведомо убийство. Мы считаем его великим грехом перед нашими кроткими богами. Не они ли повелели не осквернять их алтарей, даже кровью перворожденных агнцев... Как же, еще не зная твоего бога, мы уничтожим своих и сожжем их капища, отверстые днем и ночью для странников, не имеющих иного крова.

Ничего не ответил Амру.

Собрал своих вождей и заперся гневный в чужом дворце.

Только вечером в огненный час заката они вышли оттуда и каждый направился к палаткам своего отряда.

И в ту же ночь их воины изменнически напали на Даима и истребили не только его и его шейхов, но и весь род и племя его.

Три дня земля еще накануне счастливых оазисов пила кровь своих детей.

Три дня под благословенными пальмами не прекращались вопли. Женщин воины за волосы влекли под мечи усталых палачей. Младенцам разбивали головы об углы их домов.

И когда розовая заря четвертого дня розовым сиянием легла на венцы пальм — в их благословенной тени не осталось никого из мирных обитателей прохладных вод.

IV.

И рассудил Аллах:

— «Амру погрешил из любви ко мне!

Но любовь, не согласная с совестью, беспощадна, как сброшенная змеею кожа, как горячие пески пустыни. Он вернется назад через огненное кольцо ее и не увидит ни

своего дома, ни царства.

Ибо я опустошу их голодом и моровую язвой и отдам все жившее на его земле в наследие гиенам, разрывающим могилы, и воронам, питающимся трупами.

Не за то, что он истребил неверных, нет.

Неверные — дерево, обреченное огню и секире.

Но за то, что он обманул, хотя любя меня, гостеприимство царя и шейха Даима, открывшего ему не только двери своих обитателей, но и сокровища праведной души своей.

За нетерпеливую ревность его обо мне, ослепившую его.

Ибо он не хотел ждать ни дня, ни часа, чтобы приобщить царя и его подданных к благоверной пастве моего пророка.

Да будет меч покорен разуму, а не гневу, застилающему кровью очи владык земных!

И да поразит Ангел моей правды и Амру и его воинов.

Они не найдут в отечестве своем ни пшеничного колоса, ни пригоршни воды. Трупы, вырытые шакалами, заразят их — и они умрут в великой муке.

Но только земным страданием будет искуплено содеянное ими зло.

Земным и на земле.

Рай мой открыт — любящим меня и ревнующим обо мне!..»

V.

«Даим не может войти в мой рай — ибо врата его отверсты только для верных.

Его разума не коснулось учение моего пророка. Но душа его и души его подданных чисты предо мною.

Нет на них духовной скверны.

Но и они не те, кои угодны мне.

Я дал их мужам сильные руки и ноги. Их вождям — разум. У них было довольно железа, чтобы сковать из него рала. В их садах росли гибкие гасис и твердые и тонкие ме-

хреджи.

Но они не опоясались перевязями с острыми мечами, не стянули податливые и крепкие ветви тетивами, не отточили стрел и не напоили их острия смертоносным соком мандрагоры.

Будьте добры с добрыми, но умирайте, защищая очаги свои от злых.

А родина есть общий очаг всего народа и горе племени, не знающему ее.

Не для трусливых и малодушных благоуханные сады и прохлада моих оазисов.

Эль-Даим и его народ выше черного яда преисподней, но они еще не поднялись и до убежища верных.

Пусть их души витают в тиши вечнозеленых оазисов до тех пор, пока я не очищу огнем всего лика земли.

Пусть ласковым дыханием они встречают измученных странников, проникающих к ним сквозь пламенное кольцо пустыни, и отгоняют веянием незримых крыл злые сны от усталых, расстилающих свои кошмы у моих чистых вод

В день последнего суда моего и они, облаченные лучезарными телами, обретут мою милость».

VI.

— Это их невидимые руки касаются наших лиц.

Веяние их крыл наполняет наши воспаленные груди свежестью.

И жестокий Амру и благородный Даим нужны Аллаху.

Как нужны ему меч воина и улыбка ребенка, клюв орла и когти льва и воркование голубки, и блеяние агнца, и мощные кедры восточных гор, и нежные лилии южных долин.

Венцы пальм уже сплетались над нами, заслоняя путников от ночного неба, в котором неугасимыми лампадами вечного храма Аллаха висели бесчисленные миры.

Еще несколько минут и мы услышали ласковый лепет вод и из тихих шалашей около к нам донесся пряный запах сжигаемых в кострах веток.

Скоро и наш дымок сизою струей вознесся над цветущими берегами и, заснув в ласковом покое Эль-Даима, мы видели в ночных грезах только светлое, радостное, прекрасное.

Души его народа витали над странниками.

И веянием незримых крыл отгоняли от их изголовья черных призраков, рождающихся от мрачного союза страха с усталостью в огненном кольце злой пустыни.

В. Немирович-Данченко

В ПУСТЫНЕ

(Из воспоминаний о крае Золотого Заката)

I.

Во все стороны лески. Огнистые под солнцем, бурые за ним... Белые кости павших верблюдов и вдали Тафилет — плоскокровельный, весь точно из сахара — белый. Слепит! Царственные венцы пальм, четырехугольный массивный минарет. Тишина — слышишь, как у тебя бьется сердце... Старые зубчатые стены. Осыпаются. Никого на башнях. Только айсты на часах, сторожат безжизненную даль. Ворота настежь. Точно в грот. Тень. В тени спят верблюды... Старый темной бронзы дервиш, весь как пенёк на болоте поросший мохом, сонно протягивает медную чашку. Бросаю мелочь. Бормочет. Поминает Аллаха и опять смыкает глаза... Узкие не улицы, а трещины. Вот-вот приземистые лагуны сомкнутся... Безлюдная площадь... В меловых стенах чуть намечены норы.. Слава Богу — навстречу громадный негр. Черная скульптура на белом фоне. Спрашиваем, где дворец местного шейха. У нас к нему письмо из марокканской Москвы— священного Уддана. Оскал белых зубов на збеновом лице... Поворачивается и бежит впереди...

Мы за ним, едва поспеваем на усталых конях. Здешний правитель — Аббас Измаил — «отец милости», «неистощимый источник живых вод», «хлеб неимущих». Таким его славят льстивые певцы этого оазиса. Свои его ненавидят — приезжие им не нахвалятся. По арабской пословице: «Ласкай странника, у него тысяча ртов, чтобы кричать о тебе во всех странах мира». Он кормит и поит путников, особенно таких, у которых есть «ах-мара», письмо из Феца... Нас он принял, как несказанно дорогих гостей. Сжав румяные, чувственные губы сердечком, декламирует: «Бог у всех один — другого не выдумаешь. И хороший христианин стоит любого мусульманина». В его касбе-замке в жару немолчно журчит вода и в мраморные водоемы музыкально струятся кристальные фонтаны. Солнце сквозь цветные стекла нежно светится на причудливых вязах и пестрых арабесках. В тени мягки и прохладные толстые пышные ковры Могадо-

ра: на них невольно мы засыпали после утомительного паломничества в пустыне.

Откуда-то поют струны агайт о том, что только грезится и чего нет в действительности. Маленький, круглый, весь окутанный белым шелком негритенок не спускает выпученных блестящих глаз с огонька в нише, на котором всхлипывает в золоченом альтама изумительный кофе. Тонкий аромат дразнит. В кровле круглое пустое окно, в него смотрит сюда широколистая пальма. Мой проводник Леви Бен Дауд — марокканский еврей — переводит мне размеренные строфы сидящего на корточках в углу сказочника.

II.

Вечером мы на рынке. Зубчатые стены его — розовели. За ними — море закатного огня. Толпа кругом, локоть к локтю. Посреди громадный нубиец, окруженный оборванными, босыми солдатами... Скованный цепью мавр спокоен и бесстрастен. У нубийца в руках нечто вроде меча.

«Сейчас ему будут резать голову», — шепчет мне Бен Дауд. «За что?» — «Богатый горожанин. Накопил слишком много, чтобы Аббас Измаил оставил ему жизнь. Дом его он возьмет себе и сады. Золото отошлет султану. Аббас Измаил уже десятый год правит так Тафилетом!»

— Как, добрый, радушный, щедрый? Наш хозяин?

— Да. Ты посмотри кругом, как разорен и голоден здесь народ. Богатый оазис — а в нем одни нищие.

И когда мы возвращались по узким улочкам, теперь полным в вечерней прохладе лохмотной толпою, я видел продырявленные плоские крыши, осыпавшиеся дома, тощих ослов, чахлую зелень, точно и она не смела подняться под пристальным и жадным взглядом Аббас Измаила. В разорванные бурнусы сквозит истощенное, исхудавшее бронзовое тело. Старухи в невероятных отрепьях на каждом шагу просили милостыню. Такого царства нищеты я еще не встречал в Марокко. На одном перекрестке валялся мертвый

осел. Раздулся. Нельзя было дышать около. Подошел седой, голоногий мавр... У него остроконечный посох. Он несколько раз ткнул им в гнилье. Посох глубоко уходил в труп. Наконец, нащупал более твердую часть. Вырвал ее и понес. На углу — уличная кухня. Окутанная чадом пригорелого бараньего мяса и сала. На тонких шампурах жарится, шипит и во все стороны брызгается что-то вроде кавказского кебаба. Мавр швырнул тухлую осялятину и подал очаву — местную медную с дыроу посередине монетку. Повар испек эту мерзость. Надо было видеть, с какой жадностью старик ел ее!

Мы не могли выехать отсюда ночью. Племя Бени Ассун, ограбленное тем же гостеприимным «отцом милосердия» шейхом Аббас Измаилом, восстало и в пустыне за Тафилетом было не безопасно. Приходилось странствовать днем. Зной. Казалось, мозг растапливается в своей костяной коробке, но оазис «нищего султана» был недалеко. Всего в шести часах пути. Как ни жгло солнце, а за это время оно не могло высушить воду в наших мехах. К десяти часам мне показалось, что раскаленный воздух жжет мои легкие. Трудно было сосчитать удары сердца, так быстро оно билось. Испуганная птица в клетке. Глаза слепило сквозь плотную ткань. В мистической дали — миражи. Когда я приподымал покрывало — вдали огненная сказка рисовала белые призраки трепетных сводов над голубыми водами. Колебались чудовищные деревья, висая над смутным краем пустыни. Сквозь деревья — точно они были прозрачны — медленно тянулись фантомы верблюдов. И вдруг пропадали и верблюды и деревья и до боли четко и резко там стлались гребни песчаных бугров под бледным от ужаса опаловым небом. Я был в полусне, близком к агонии, когда около послышался крик. Очнулся. Мой Леви бен Дауд хохочет, простирает вперед руки. С ума сошел? Солнечные удары здесь выражаются и в такой форме.

— Что случилось?

— Там... Там.

И кончить не может. В горле у него какой-то клекот. Слова обрываются.

Вдали что-то наметилось. Верблюдов не удержать. Вытянули змеистые шеи и точно распластываются в воздухе... «Что-то» складывается в зигзаги далеких еще, во все стороны склонившихся пальм. Оазис? Даже молчаливый, сумрачный проводник наш — царь каравана, величавый, повелительный, огнеглазый, затянул какую-то песню. Казалось, дикая птица с высоты хрипло сзывает других крылатых хищников... Пальмы оазиса растут. Мы к ним или они к нам? Быстро-быстро. Неужели там тень, прохлада, говор вод, прохладная трава, в которую так бы и впился обожженным лицом. Вот он, где настоящий рай.

— Тут уже нет власти шейха Аббас Измаила... Сюда — руки его коротки. Да сожжет шайтан душу его в адском огне.

Шепчет Леви бен Дауд.

Точно адский огонь злее этой только что пройденной нами пустыни!

III.

Вечер. Лунный. Далеко четкие тени пальм. Под навесом прохлады. Веселы чистые воды ручья. Громадные цветы прячутся под широкими, точно лакированными листьями. Не то лилиями, не то туберозами кружат голову. Не разобрать этого опьяняющего запаха. Белый куб под таким же куполом. На стене трещины, точно зигзаги следов от проворных ящериц. «Гробница праведного»! Султана Абраила! Прозванного «Святым нищим».

— Давно это! Тут он и похоронен. Поди и помолись около.

— Я христианин.

— А я еврей. Израиль тоже поминает его святое имя. Он был милостив ко всем. С ним Тафилету легко жилось. Народ богател, а его кадии нищенствовали. Лопались люди от жира. Точно бараньи курдюки ходили. У каждого паслись свои верблюды, кони табунами бегали. Овец никто и

не считал. Дома стояли такие, что Фец и Могадор нам завидовали. Мухараби (ставни) вырезывали из драгоценного дерева. А мечети? Ты видел наши развалины? И все это исчезло. Ты слышал сказку, как в голодный годмышь большого верблюда съела? Абраил-нищий правил нами полвека. Это было тогда, когда море у самых стен Марокеша шумело, а теперь до берега и в неделю не доедешь. Вот тут, под этим белым куполом и лежит Абраил! Тафилет тогда был сам себе владыкой. Мы свободно выбирали себе вождей и, когда умер великий Аббу Аббас, народ не знал, кого поставить на его место. Он как дерево Асна — не дал семени. После него никого не осталось. Обратились наши к старцам Ассаца — к мудрым змеиным дедам. Те помолились и было им видение. Сам Аббу Аббас явился к ним и сказал: спустите моего сокола и куда он опустится — там и ищите наследника мне.

Собрался народ. Резали баранов, кропили их кровью пороги домов и мечетей, пели фетха-апум и, наконец, сняли с сокола шапочку и пустили его. Он разом взвился... Лучшие всадники пустились туда, куда он понесся. Целый день прошел. Заморились кони. Наконец видят, сокол точно замер в высоте точкой... Точка растет. Он камнем падает на восток и оттуда крик. Доскакали. Видят: на песчаном бугре спал молодой пастух. Сокол опустился на него и так запутался когтями в волосах юноши, что ни сам освободиться не может, ни тот распутать кудрей. Схватили пастуха. Отбивается. «Ты у нас, дурак, султаном будешь!» А тот им: «Убирайтесь к шайтану. Мне и здесь хорошо. Что мои бараны без меня делать будут?..» Ну, связали его, честь честью. Посадили в седло. Ноги ему под животом лошади ремнями спутали...

Его везут, а он ругается... Главный имам и старцы Айсация встретили его у порога джами (главная мечеть).

— Как тебя зовут?

— Абраил из племени Бени Ассан, прозванного «победительным»! Мы первыми идем в бой и последними возвращаемся.

— Кто твой отец?

— Не знаю. Меня ребенком нашли в пустыне...
— Где же ты живешь?
— В шатрах моего племени по очереди.
— Значит, ты нищий?
— Нет. Я богаче тебя: мои все пески пустыни и все звезды в небе. И солнце мое. И все источники водные...

— Аббу Аббас сам указал тебя править нами. Выбирай: или башку тебе долой или быть тебе султаном.

— Что ж тут выбирать? Я умел справляться с жеребцами родного дуара. Отгонял львов от стада. Авось, и с вами справлюсь... Невелика забота.... У нашего шейха была сумасшедшая кобылица... А моего взгляда слушалась. Авось, у вас ума больше, чем у нее?

— Вот твой дворец. Мы дадим тебе рабов и рабынь.

— Нет... Дворец та же тюрьма, — а я привык к просторам. И еще: в моем роду никто не держал рабов. Наше племя рабства не знает...

Дивятся на него, а он выбрал себе первую попавшуюся лачугу.

— Эту неделю я здесь жить буду, а следующую у соседей и так, пока не побываю по очереди у всех, а потом опять сюда и по старому кругу. И пусть все живут как жили. Бедные будут меня кормить просом, а богатые мясом. Я, бывало, неделями голодал. Меня этим не удивишь. А так я всех вас узнаю и настоящим правителем буду. Да и вам не обойдусь дорого.

— А твои кади?

— У кого нет своего дома, пусть каждый так же в своем участке, как я во всем государстве. Горе народу, разоряющемуся на своих правителей. Пусть власть для султана и его вождей будет не радостью, а бременем. Тогда за нее возьмутся те, кто для нее рожден.

— Как же ты жену себе выберешь?

— А где я буду жить, что ж, там женщин нет? Ну, а где их не будет — я и без них обойдусь. Не Бог весть какая сласть. С своими женами возни пропасть, некогда народу служить, а с чужими. Сегодня одна — завтра другая... И привязаться к ним некогда.

— А где старухи?

— Что ж мне, старух обижать! Пока молод, справлюсь, а потом Аллах укажет, что мне делать. Так, по крайней мере, я всему народу родным буду...

— А если которая не захочет?

— С султаном-то? Седая борода у тебя, имам, а ты глупее моего козла. Спроси у любой женщины, что она тебя ответит... А жениться султану не следует. От этого все беды народу. Султан женатый всех вас поделит между своими детьми, а те между своими. Так в Тафилете под конец больше султанов окажется, чем подданных... А если по-моему — так поди разбери, какой из этих голопузых байстрюков султанский, а какой башмачников. На лбу у него не написано. Сам Аллах еще такого знака не придумал. И вам же лучше — не придется одному подданному трех султанов кормить.

И ведь как сказал он, так и случилось: все кадии и власти ему подражали, нищими стали. И мы сами ели своих баранов... Десяти лет не прошло, слава о Тафилете и его богатствах облетела весь Магреб. Худые люди с севера и с запада собрались на нас, но свободные храбры, им есть за что умирать. Враги обложили нас со всех сторон. Абраил-Нищий вышел с воинами в восточные ворота и разбил конницу из Феца. А потом повернул на пеших наемников из Рабата и Лараша и напоил их кровью жаждущие пески пустыни. На юге собрались черные племена Су-Ариба, — и те рассеялись, как ласточки от ястреба... Хорошо жилось нам, так хорошо, что теперь о таком счастье можно петь только в песнях.

IV

Народ богател, его правители были бедны. Они ни в ком не вызывали ненависти и зависти. И их любили, но редкий из граждан хотел поменяться с ними своим положением. Так протекло полвека. Абраил состарился и был еще кре-

пок... Но если он терпеливо нес иго нищеты — пришел день, когда его кадии начали тяготиться им. Им тоже захотелось власти, богатства и роскоши. Им надоело слоняться по чужим домам, да когда старики вымерли и их место заняла молодежь, ей тоже понадобились свои бараны, кони, верблюды... Им надоедало пялить глаза на чужие гаремы. «Заведем свои». Родство со всем подначальным людом их вовсе не привлекало...

— Ты знаешь наш сад Аллаха — наши пустыни. В них бури нежданны-негаданны. Абраил у всех молодых был бельмом в глазу. И вот новые кадии раз позвали султана за город, «там-де появился волшебный старец, прорицающий будущее и предсказывающий судьбу человека. Прилетел он на крылатом коне, у которого из ноздрей пышет пылью и вместо седла у него великий змей. Он тоже произносит мудрые слова». Абраил к этому времени очень поизносился. Между своими он ходил в лохмотьях, но к волшебному старцу надо было прийти в приличном виде. Все-таки он султан! Занял дахобу у своего очередного хозяина и взял его же осла. Сосед дал ему мешок с финиками, другой — мех с водою. Правитель поехал, окруженный молодыми кадиями. Была уже ночь и золотое блюдо пустыни стало под луною серебряным. Там, где начинаются эти пальмы (мой проводник указал их на восток) — они остановились.

— Послушай, султан, что делают с бараном, когда он ожиреет так, что ходить не может? Курдюк его волочится по земле, а в шерсти путаются ноги?

— Его режут. Топят из него сало на светильни, из шерсти ткнут ковры и дахобы (плащи), а мясо едят.

— Мудро твое слово. Тафилет за эти пятьдесят лет оброс салом и шерстью. Он до того объелся, что уже говорить ему трудно — икает. Но он не баран. Ему надо жить. И если мы не обстрижем его и не снимем жира — он околеет от сытости. Мы как собаки на кость бросаемся, — на то, что он швыряет нам, — а он, прежде чем проглотить кусок, обнюхивает кусок и морщится, как сытый кот. У нас нет мелкой монеты на масло в мечеть, а он драгоценнейшим елеем моет ноги своим одалискам. Мы-то ведь знаем это, тоже не без

носов бегаем. Мы ходим босые, а он в шитых серебром седлах, продает красные бабуши в золотые стремяна... Надо положить этому конец. Но между нами и Тафилетом стоишь ты...

Абраил понял.

— Да будет воля Аллаха!

Лег на землю, лицом в песок.

Младший из кадиев вонзил в него копьё между плеч.

— Жив еще... Все равно тут ему никто не поможет. Пусть он помолится перед смертью.

Абраил поднялся на локтях.

— За себя я вам прощаю. Я стар. Пора мне на суд Аллаха и пусть Всемогущий поступит со мною, как я поступал с Его людьми здесь. Но за этих людей, за мой город, за мои оазисы я проклиная вас. Да не увидят ваши очи его минаретов и цветущих пальм!..

И вдруг из глубины пустыни послышалось яростное рычание. Львы!.. Со всех сторон. Ни один из кайдов не вернулся. Цари золотых песков растерзали их... Людей бросили — осла съели...

Абраил полз всю ночь. Медленно. Куда попадала капля его святой крови, вырастала пальма. Здесь он отдал последнее дыхание Аллаху. У его трупa высоко забил ключ и напоил живоносною водой горячие уста пустыни. Помолись и ты, христианин, у гробницы нищего султана. Он желал людям только добра и не делил их ни на мусульман, ни на евреев, ни на христиан. Все люди были ему братьями... И как брата он любил каждого...

Прага, ноябрь 1931 г.

Что будетъ 1 января 2000 года

Лондонская газета „Дейли Мейль“ выпустила фантастическій номеръ газеты „отъ 1 го января 2000 года“. Номеръ газеты составленъ съ воображеніемъ, ни въ чемъ не уступающимъ фантазіи Жюль Верна. Въ сообщеніяхъ о происшествіяхъ и телеграммахъ фигурируютъ — телевизія, смертельные лучи, аэропланы со скоростью 10 миль въ минуту, бѣлье для воздушныхъ путешественниковъ, предохраняющее отъ раненій при катастрофахъ, гигантскіе автобусы молниеносной скорости и прочее.

Вотъ образцы нѣсколькихъ замѣтокъ о воображаемыхъ событіяхъ.

„На Риджентъ стритъ произошелъ пожаръ. Воздушный летучій отрядъ пожарной команды прилетѣлъ туда въ 2 минуты и помощью пожарныхъ химическихъ газовъ моментально потушилъ огонь“.

Читателямъ „Дейли Мейль“ будутъ присылаться посредствомъ телевизіи изображенія сценъ, происходящихъ на морскихъ курортахъ съ воспроизведеніемъ звуковъ. Имъ будетъ доставляться также по трубамъ очищенный морской воздухъ“.

„Въ Сутерландшайръ студенты университета изучаютъ науки не такъ, какъ было 75 лѣтъ тому на-

задъ. Для изученія науки достаточно одной ночи. Пока студенты спятъ, батарея накачивателей памяти вкачиваетъ въ мозги соотвѣтствующіе матеріалы“.

„Сыщики Скотландъ Ярда разслѣдуютъ дѣло объ убійствѣ путемъ внушенія“.

„За двухминутный телефонный разговоръ изъ Лондона въ Нью-Йоркъ установлена плата въ 35 центовъ“.

„Вскорѣ начнетъ процессъ 22 воздушныхъ бандитовъ, совершавшихъ ограбленія банковъ“.

„Предстоитъ дѣло нѣмки, застрѣлившей смертельными лучами своего мужа, живущаго въ Тифлисѣ. Откуда былъ произведенъ выстрѣлъ, установить не удалось“.

„Летчикъ Ральфъ Герстонъ закончилъ полетъ вокругъ свѣта, продолжавшійся всего 24 часа. Во все время полета всюду, гдѣ онъ пролеталъ, былъ полдень“.

Номеръ этой газеты былъ выпущенъ на выставкѣ „Домовъ будущаго“. Обладатели номера рѣшили сохранить номеръ для своихъ внуковъ, чтобы послѣдніе смогли увидѣть, насколько точно было предсказано будущее.

В. Немирович-Данченко

В 2428 ГОДУ

Лекция о Льве Толстом через 500 лет

Уже давно Московский университет стал «Всемирным». В его громадные аудитории на Воробьевых горах стремились сотни тысяч юношей не только со всех концов федеративной республики Российской, но и из отдаленнейших уголков земного шара. Лекции читались на эсперанто, выработавшемся в настоящий язык, обогащенный словами всевозможных рас, и на русском. Особенным успехом пользовался знаменитый профессор Крылов. Ему отвели колоссальнейшую из галерей. В ее окна виден был чудовищный город, выраставший внизу в даль и в ширь. Он считал свое население в десять миллионов человек. Старый Клин, Богородск давно вошли в его пределы.

В эти солнечные дни Москва была особенно великолепна. Архаическая топка домов и фабрик, заволакивавшая ее несколько сот лет назад густым, удушливым дымом, давно отошла в смутную область полузабытых преданий. Уже два века люди овладели таинственными силами природы. Они незримо работали на людей, дышавших даже в таких мировых центрах чистейшим воздухом. Солнечное тепло, спущенное в особых резервуарах, согревало все кругом. Небоскребы строились с плоскими крышами, обращенными в сады и цветники. И с высоты весь этот простор показался бы поэту и мечтателю XX-го века каким-то волшебным раем.

Недавняя паутина проволок, соединявшая университет с отдаленнейшими странами, была снята. Теперь эти сообщения бесчисленными норами пронизывали почву или передавались в пространство отражательными зеркалами, говорящими аппаратами, чуткими приемниками. Только бесчисленные крылатые машины самых причудливых форм и красок стаями пестрых птиц мелькали вверх. Профессоров Московского университета слушало все человечество. Люди, не обладавшие большими средствами или работою привязанные к определенному месту, давно уже освободились от необходимости оставлять свое жилье. Каждый у себя в определенные часы соединял зрительный и слуховой аппарат с аудиторией за тридевять земель и видел лектора и внимал ему так же, как и профессор в отражательные чудовищные зеркала своих студентов. Такими зеркалами

были стены аудиторий и галерей и в них теснились бесчисленные китайцы, японцы, малайцы, индусы, негры, за пятьсот лет приобщившиеся к мировому прогрессу. Вся западная сторона была занята европейскими слушателями. А в глубине настоящим муравейником мерещились смуглые юноши Персии, Аравии и отдаленнейших островов. Позади кафедры на грандиозном радио-экране появлялись в живых изображениях люди и дела тех эпох, о которых рассказывал профессор.

Братство народов из области мечты давно стало настоящей явью и храмы науки уже сделались достоянием не одного племени, а всего человечества.

Профессор Крылов читал историю словесности.

Сегодня он всю лекцию посвятил величайшему из русских писателей, жившему пять столетий назад. Перед слушателями на радио-экране сменялись портреты этого поэта, проходили одна за другой воспроизведенные с этнографической и исторической точностью характерные сцены из его произведений, типы железного, жестокого века, с которым приходилось бороться его лучшим людям. В красках и движениях воскресали залитые кровью боевые поля с сотнями тысяч бойцов, избивавших друг друга, святые братские могилы, ставшие колыбелями свободы и братской любви в последующих поколениях. Все, от чего давным-давно отрешилось новое человечество. Каждый век, благоговейно чтивший замученных пророков предшествовавшего столетия, избивал своих апостолов и теперь все эти светочи земли сменялись в величавых образах перед всемирной аудиторией.

— Вы видите во главе провозвестников правды величайшего гения тогдашней России Льва Толстого, — заканчивал о нем свою лекцию профессор. — Я уже вас познакомил с его жизнью. Рассказал и его борьбу и с людьми и с самим собою, его мучительное искание Бога в человеке и в таких потемках, которые в наше время казались бы анахронизмом в самых отдаленных уголках просветленной и просвещенной земли.

Сейчас на экрана перед вами воздвигнутый всем человечеством памятник этому пророку любви и всепрощения. Да запечатлеются в наших чертах и те слова, которые сверкают на его цоколе: «Великому борцу — века им угаданные».

Он писал и учил не для своего сурового, беспощадного, кровавого времени. Через голову пяти веков он говорил нам, и то, что тогда казалось трогательной фантазией мыслителя, пленительной сказкой поэта — теперь стало обычной действительностью. Его идеалы увлекали современников. Они преклонялись перед ним, как некогда халдейские звездочеты чтили недоступные их пониманию глаголы светил небесных. По осуществлению его пламенной и неутолимой проповеди томились и плакали люди, но они знали, что, следуя ей, они вступают на тернистые пути мученичества. Он и его ученики работали для нас. История сохранила священную память о них. Синодиком с их именами мы, русские, гордимся особенно потому, что и Лев Толстой и они вышли из глубин бездонных нашего народа. Он приобщил нас к великому движению всех времен и рас. Он завоевал нам удивление и уважение всего человечества. Не знавший покоя и отдыха, часто непонятый близкими, он уже мертвевшей рукой набрасывал строки, ставшие ныне реликвиями. В них великие заветы страдавших одиноких мучеников своим более счастливым потомкам.

Повторяю, он был чудной сказкой для века, его истерзавшего. Его проповедь сияла, как созвездие. Теперь эта сказка стала естественным условием жизни. Почвой, на которой росли мы, растут наши дети. Созвездия за 500 лет, медленно, сквозь туманы и стихийные бури, сквозь чудовищные катаклизмы изуверства, насилия, разбойнического хищничества, адского торжества палачей на нашей родине, сошли на землю. Теперь они горят у наших очагов, светят нам дома, на улице, в школах, в труде и отдыхе... Сквозь багровый мрак, объявший наше отечество, покрытое тогда несчетными Голгофами безвестных мучеников, — они зажигали надежду в смятенных сердцах. И вера в предсказанное Толстым торжество правды сбросила камень с гроба великой

России... Преклонимся же перед великим пророком и его веком, веком страдальческой борьбы, веком кровавых, беспримерных поражений, которые сияют нам ярче прославленных побед. Ибо в огне этих адских мук родилось новое человечество. Да, оно угадывало нас, работая под бичами безумных насильников. Сходя в ранние могилы, расчищало нам пути к такой простой и ясной правде!

Его образы в вечной красоте перед нами! В них живая история человечества за пятьсот лет назад. По ним мы учимся знанию прошлого. И до Льва Толстого были пророки и мыслители. Но их произведения говорили уму. Таковы Лао-зы — китаец. Дзен — японец. Сократ — грек и только Толстой соединил в себе глубину философа с прелестью и величием поэта, взывающего к сердцу человека. Он был и ближе и понятнее людям. Он говорил образами и мыслями. В нем они гармонично дополняли одни других. Но долг и труден был путь, которым человечество пришло к осуществлению его правды.

Вы все знаете, чем озаменовались XX-ый и следующий века. Нынешний уклад жизни стоил народам таких родовых болей, о которых не ведало даже мифическое варварство древности. Прежде чем принять заповеданное великими учителями, вся земля долго исходила судорогами небывалых войн, воздушных и подводных. Целые страны задыхались в дыму пожаров, отравлялись газами, открытыми подлейшими преступниками науки. Голодные и одичавшие люди миллионами бродили по пустырям. Руины великолепных по тому времени городов пахли трупами. Кажалось, участь земли была решена. Полное истребление грозило старым племенам Европы под могучим напором усвоивших ее технику и военные знания и поднятых большевиками азиатских рас.

Россия, только что из ССС-эрии воскресшая свободною страную, еще не залечившая вчерашних ран, вся полуистекавшая кровью, опять выдержала на себе эти страшные удары. Она вторично спасла не признававший ее Запад. Спасла, обливаясь кровью, в таких ужасах, о которых мы не имеем понятия. Но народ, создавший Толстого, Достоевско-

го и Пушкина, умереть не мог. Когда красные факелы побед и поражений были вырваны из наших рук, на почти обезлюдевшем просторе загорелись кроткие светочи, и по озаренным ими дорогам пошли к общему счастью мира, свободы и братства недавние враги. Мы теперь только в музеях видим мрачные орудия истребления. Там в стали и железе, переданные нам прошлыми веками — остатки тогдашней жизни. Вы помните, как впервые на мировом конгрессе в благородной чешской Праге — в этом географическом центре Европы — представители всех измученных народов постановили единогласно: «каждого отныне, кто изобретает новое орудие для истребления человечества, сажать до смерти в сумасшедший дом, как опасного и помешанного врага всех племен земли». На следующем конгрессе в Пекине были выработаны международные суды и положены начала тому добру и правде, которым учил Лев Толстой. А через два века и суды не понадобились. Завоевание человеком воздуха и таинственных сил природы, когда войны отошли в злую старь, сгладило разницу между расами, границы государств остались только на древних картах, и мы теперь, памятуя Величайшего из Великих первоученика Христа, завещающего: «несть ни эллина, ни иудея», работаем заодно — как братья на общей Господней отцовской ниве.

Пятьсот лет назад бежавший от неправды и нестроения Лев Толстой в мучительном искании вечной любви умер в жалком и бедном селении. В те времена память дорогих народу мертвецов современники молчаливо чтить вставанием.

Человечество! На экране перед тобой последний образ великого, угадавшего наш век за пять столетий вперед. Встань и ты перед этим пророком в благоговейном безмолвии. Да не погаснет память о его жизни и подвиге, пока будут стоять земля и мыслить народы!

И все человечество от полюса до полюса встало, поднялось перед изображением кротко смотревшего из-под нависших седых бровей учителя.

Прага, сентябрь 1928 г.

В. Немирович-Данченко

ЖЕЛЕЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Фантастическая повесть

I.

В громадной, как ангар, лаборатории все было залито желтым светом. Солнце на закате смотрело в большие окна. Дробилось слепящими бликами, радужными звездами; струилось огнисто на стекле реторт, колб, странных флаконов, на меди и стали причудливых аппаратов, сверкало в бездонной глубине вогнутых зеркал. За черной решеткой настоящее пламя, нагревавшее яйцевидной формы котел с отводящими в разные стороны трубками, казалось и тусклым и бледным. В котле хрипело и булькало, в трубках свистел пар и из них, ритмически ухая, клубами выскакивал, осаждаясь, как пот, в полированных колпаках. Из асбестового очага рядом густо подымался зеленоватый дым в хрустальные приемники и последнее лучи умирали в нем хризалидовой смертью. Посреди этой залы чернела какая-то неразбериха вороненой стали с отлакированными в красное рычагами и белыми рукоятями, с неуклюжим, как паук, пузом, откуда грозило длинное дуло. По стенам висели таблицы цифр и формул, рисунки непонятных моделей. А в углу прислонилась толстая железная доска, которую проело что-то, как гусеница липовый лист.

— Где прикажете чай готовить?

Бородатый парень в порыжевшей кожаной куртке в приотворенную дверь отыскивал кого-то и, найдя, повторил вопрос.

— Чай?.. в саду... Погодите!

Инженер Алехин оторвался от прибора с трубками, в которых то подымалась, то опускалась по отмеченным делениям черная жидкость. Лицо его и руки были в заструпившихся, заживавших ожогах. Пристальные глаза из-под сурово ошетилившихся бровей остановились на лежавшей около записи. Вычеркнул что-то, пометил другое.

— Сергеев, вы где?

— Слушаю.

— Я сам распоряжусь там. А вы пока — здесь. Присмотрите за аккумуляторами, как вчера. В номер два подбавьте бензина, когда сторит. Скоро вернусь.

Устало выпрямился. Вытянул и согнул руки. В поясице заломило.

Потер ее.

— Где Юлия Александровна?

— У большого кипариса, в саду.

— А Митя?

— В оранжереях со студентом.

Алехин прошел длинную аллею.

Все тонуло в огнистом блеске. На золотом полуме черные, гигантские, царственные кипарисы. Четкие, молитвенные. Там, где они, все как храм. Солнце на уходе коснулось тонкого облачка и оно затлело, прошитое золотой пряжей. Небо было чисто. На востоке ранняя звезда улыбалась, бриллиантовая в порозовевшей лазури. Густо дышали туберозы. Откуда-то скороговорка фонтана.

— Юю!.. Где ты?

В стороне ответная рулада. Звонкое, сильное меццо-сопрано. И только этого и ждавший, опрометью понесся на встречу шпиц. В отцветавших каштанах и орешнике неистово, громко будто наперебой трещали цикады.

На низкой октаве влюбленно завопила жаба.

— Устал?

— Да.

— Нельзя так. Посмотри, на что ты похож.

Мягкая, нежная ладонь ласково легла ему на голову.

— У меня душа не на месте. Весь в ожогах. Не дай Бог.

— Кончаю... Еще немного. Сегодня последний опыт.

Долго целовал ее руку. Сел рядом, обнял ее стань.

Солнце, прощаясь, из-за разгоревшегося облака обливало обоих и черный кипарис над ними и букет пышных роз на столе последним, багровым, медленно блекнувшим светом. В аллее впереди под вековыми буками уже густилась синяя тень и в ней вспыхивал и гас огонек сигары.

— Папа... Папочка!..

Белый клубок бежал оттуда...

Швырнулся ему в колени, зажал ими себе голову, отталкивая каблуками приставшего к нему шпица...

Огонек сигары все ближе. Тонкий силуэт выступил на свет. Студент, увидев Юлию Александровну, швырнул окурок в кусты.

— Правда, папочка: земля слепая и смотрит на небо цветами? Цветы ее глаза?

— Это тебе Петр Федорович сказал?..

— Да! И молится Богу запахом роз и лилий.

— Вы — поэт! — улынулась юноше Юлия Александровна. — Разумеется, правда.

— Значит, и рвать их нельзя... Им больно... Да? А только таких цветов, как моя мама, нигде нет!

— Скажи пожалуйста, — рассмеялась она. — Откуда ты это?

Студент вспыхнул.

— Правда, Митя, правда. Такую маму не найдешь. Хоть весь свет пройди!

И Алехин, подняв Митю, поцеловал и подбросил.

— А еще выше можешь?.. Чтоб под самое небо... Ты, папочка, сильный. А наш кучер сильнее тебя. Он сегодня Султанку за передние ноги поднял....

— Юю... Тепло, хорошо. Чай будем здесь.

— Как хочешь. Я сейчас зажгу электричество на веранде... Все мошки полетят туда. Тут будет довольно света...

Солнце зашло. Внизу уже сизая темень. Только верхушки кипарисов еще мерцали, задерживая умирающий день. Во мраке вспыхивали жасминовые кусты, робко мигая бесчисленными крохотными светляками.

Юлия Александровна встала, стройная, гибкая, и пошла в дом, поправляя на ходу сбившуюся волну русских, отдававших золотом волос.

— Правда, папа, свет большой, большой? Такой большой, вот...

И Митя, сколько мог, раскинул руки.

— И даже больше...

Вздохнул, представляя себе эту величину.

— И нигде в нем второй мамы нет. Людей много-много... А ее нет.

— Верно, милый, верно. Таких других мам не бывает. И не было и не будет.

— Вот и Петр Федорович тоже говорит.

Студент поперхнулся... Закашлялся.

Алехин засмеялся.

И чем гуще ночь наливалась синью над потухавшими вершинами сада, тем громче, сплошью трещали цикады и в жасминах трепетнее разгорались лучиолы.

II.

Инженера Алехина звали русским Эдисоном.

— Терпеть не могу этикеток. Налепят «бургонское» на простое кизлярское. Точно оно от этого лучше. И почему Эдисон не американский Алехин?

И у него это не было ни сомнением, ни самохвальством.

Сам свой предок, он, как, Ломоносов, пешком с далекого севера пришел в Петербург и вместо всякого багажа принес с собою неистощимый запас энергии. Целые поколения моряков, боровшихся во льдах в белые ночи с грозными непогодами Северного океана и снежными вьюгами полярных тундр, оставили ему в наследство непобедимую нравственную силу. «Меня ничем не ушибешь», — говорил он в Технологическом институте. — И не удивишь! Меня ребенком стамухи уносили в голомя*. Я и там не терял головы».

Резкие черты его сурового лица с ошетилившимися бровями и плотно сжатыми губами, с багровым шрамом на лбу, пристальным и внимательным взглядом глубоко впавших глаз, четырехугольным подбородком и самоедскими скулами, сколько раз уже передавали «Иллюстрации» целого мира. Сотни карикатур то уносили его в фантастиче-

* Стамухи — плавучие льды. Голомя — открытое море (*Прим. авт.*).

ских полетах в звездные миры, то опускали на дно морское в причудливое царство подводных чудищ. Репортеры охотились за ним, как за красным зверем. С пестрых плакатов он хмуро смотрел на нью-йоркскую, лондонскую и парижскую толпу. Его рисовали на мыльных коробках, на плитках шоколада, на каких-то чудотворных пилюлях. Алехинские небрежно завязанные галстуки пестрели в витринах. Какой-то предприимчивый итальянец поместил даже его квадратную голову с упрямым подбородком на пипифаксе — предел доступной воображению фабриканта популярности! Дальше, казалось, идти некуда.

И все это совершилось в какие-нибудь десять-двенадцать лет с тех пор, как он открыл газ, истреблявший вредных паразитов на растениях, не губя их самих. Опять после этого на припеках раскинулись виноградники там, где они были уничтожены филлоксерой. Жатвы, сады уже не боялись ни гессенских мух, ни кузек, ни гусениц. Даже библейские акриды пошли на пользу человечеству. Он нашел способ готовить из них питательное тесто. Бич Божий обратился в небесную манну. Не прошло года, как американские газеты оповестили весь мир: «Форд купил у “русского Эдисона” пневматические аппараты, предохраняющие автомобили от всевозможных столкновений», а «Морган — переносные солнцеприемники, сохраняющие тепло для садов и огородов». В печать проскользнуло: Алехину удалось придумать особый состав доступного всем дешевого стекла, пронизываемого фиолетовыми лучами... Потом в его работах случился перерыв. Он заперся ото всех в лаборатории и к нему никого не допускали. Ходили слухи, что он круто изменил характер своих изобретений, и наконец в «Нью-Йорк Геральд» появилась сенсационная телеграмма: «Инженер Алехин создает невиданные аппараты для войны, но не наступательной, а оборонительной». Действительно, не прошло и нескольких месяцев, как весь авиационный мир облетела весть: «Борьба против неприятельских аэропланов из мечты, до сих пор несбыточной — ведь не зенитным же орудиям было меряться с ними! — перешла в область технической практики».

Алехин, не взяв патента, предоставил всем народам Малой Антанты право пользоваться его «защитными разрывными снарядами». Прицельный огонь плохо улавливал вооруженные убийственными газами воздушные эскадры. Алехин придумал мощные гранаты, которые, разрываясь на данной высоте, приводили атмосферу по двухверстному радиусу в состояние циклона, крушившего все известные до тех пор боевые надземные суда. И немного спустя в короткую (ее называли молниеносной) войну Югославии с Италией весь воздушный флот Муссолини был истреблен такими «самозащитными снарядами». И если славянские Река (Фиуме) и Цара вновь отошли к Далмации и Славонии и Югославия заняла морские станции Албании — славянство было обязано этим русскому инженеру и долгожданному союзу Сербии с Болгарией...

Еще через год военный мир взволнован был новым открытием великого «друга человечества», как его называла парижская Академия. Алехин создал своего рода боевой сейсмограф — прибор, указывавший расстояние и место наступающих неприятельских отрядов. Механизм, до манчжурской войны придуманный, кажется, г. Лившицем, ничего не стоил в сравнении с этим «предупредителем».

Гений изобретателя недолго останавливался на этих благородных задачах, так блистательно выполненных им. Они только раздвинули ему область возможных достижений... Не помню, в какой это восточной сказке: на каждого ангела, посылаемого небом к великим людям, ад командирует десяток опытных демонов. Духам света не по силам борьба с ними, но и духи тьмы не сразу захватывают жертву, намеченную Люцифером. Алехин уже, как боевое оружие, создал бомбы опьяняющего газа, одинаково годные и для нападения и для обороны. Они разбрасывали невидимые волны в отряды. Невидимые и веселящие. Солдаты, дыша ими, безумели, теряя сознание окружающей их обстановки. Безумели буйно и приятно. Это продолжалось три-четыре часа, не оставляя вредных следов. Даже мучительного похмелья не было. Приходил в себя человек уже в плену, но таким же здоровым и сильным, как и до того. Секрет этого

открытая Алехин продал тоже Малой Антанте, силы которой, несмотря на победу Сербии, были слишком ничтожны в возможных столкновениях с первоклассными военными державами.

Потом несколько лет имя «друга человечества» не появлялось в мировой печати. Он заперся в поместье, окутанном ревнивыми садами, от самых предприимчивых разведчиков. Лаборатории охраняли незаметной, хоронившейся в земле электрической цепью, отбрасывавшей всякого, кто вздумал бы переступить через нее, и подававшей оглушительный сигнал тревоги. Эта зона недосягаемости была в полуверсте от его дома. Войти в нее мог только он и его сотрудники по извилистому и часто менявшемуся зигзагу. По ночам над лабораторией колыхалось розовое зарево и на тучах, когда они заволакивали небо, играли отраженные сполохи. В прежние времена это приписали бы колдовству, но Алехин жил в культурной стране, и его соседи привыкли к этим странным явлениям. Раз только советский авиатор попробовал было спуститься ночью в алехинскую лабораторию, но его невидимая сила, закружив, выкинула далеко назад. Утром его и его аппарат нашли разбившимися вдребезги на утесе ближайших гор, заслонявших благословенную долину от холодного дыхания Севера.

III.

— Ну, что?

— В котле № 3 поспело. Чуть выводную трубку не разорвало. Толще и стекол нет. Я отвел пар, как вы приказали, в тот вон приемник с черноземом. А потом погасил.

— Спасибо, Сергеев.

Алехин прошел туда.

На спокойном, суровом лице его отразилось несвойственное ему волнение.

Он даже прижал ладонью сильно забившееся сердце. Приостановился... На одно мгновение в глазах зарябило. И

вся эта уже в сумраке сверкавшая разноцветными огнями лаборатория закружилась. Зажмурился... Отдышался. «Удалось или нет? Верны ли его расчеты?» Три года ушло на эту работу... Что, если он обманулся? Над ящиком стоял кисловатый, густой запах влажной стали. Щекеotalo в носу и горело. Алехин закашлялся.

— Сергеев, замкните № 3...

— Есть.

В выводной трубке перестало булькать. Там было пусто. Алехин поднял крышку, герметически закрывавшую приемник. Обдало кислым паром. Подождал. Чернозем, которым был плотно набит ящик, посерел и отливался металлическим блеском. Алехин черпаком хотел взять горсть земли. Черпак скользнул по ней. Не давалась. Точно вся она обратилась в сплошное железо...

— Дайте молоток.

Ударил со всей силы. Звон, как от металла, но на поверхности ни следа.

— А вчера она была, как масло.

Взял гвоздь. Сильно молотом по шляпке. Гвоздь согнулся.

— Готово! — хрипло вырвалось у него из горла. — Готово!

Постоял, глядя перед собою и ничего не видя. И вдруг теплая волна радости обдала его. Едва сдержался, чтобы не крикнуть... Опыт оправдал все его ожидания. Трехлетняя работа не прошла даром. Теперь у него в руках орудие такого неодолимого могущества, какого самое необузданное воображение не могло себе представить. Боевая сказка, воплощенная в грозную силу. Еще одна решительная победа над невозможностью! Тот, у кого она в руках, — Бог и царь. Миллионы должны будут преклониться перед его волей. Выбора — нет! Или он, или смерть. Теперь от полюса до полюса все здесь — далеко внизу. А он в недостижимой высоте. Его величию нет предела. В его руках уничтожение. И не одного жалкого человечества — а всей природы. Страшно даже знать, что обладаешь такою мощью. Конец войнам! Он — судия народов. И это только первый этап. Первый. Ему

нет и сорока лет. Куда за собою он поведет века и племена? Через их головы он будет говорить далекому грядущему.

Бессознательно прикрыл глаза ладонью. Точно его ослепило.

Конец сомнениям. Он все может. Вера в себя окрепла, как этот еще вчера мягкий, податливый чернозем... Вера обратилась в уверенность.

— Сергеев!.. Заприте за мною. Сначала потушите огни. Мы можем отдохнуть... Даю себе неделю *dolce far niente*! Не понимаете? Неделю полного покоя. Лени вовсю. А потом за работу... За работу... За работу!.. Слушайте же, за великую работу!!

Сергеев с удивлением смотрел на него. Чего это он так кричит? Никогда он еще не видел его таким.

Алехин остановился в дверях. Оглянул лабораторию. Чувство гордости охватило его... Десять духов тьмы побеждали ангела света. В смятенную душу великого изобретателя бурным вихрем рывалась жажда власти, могущества.

«Друг человечества» отходил куда-то далеко...

— Да, да. Весь мир... Весь мир.

— Чего-с?

— Ах, это вы, Сергеев... Да? О чем я? Вот что: вы помните ту площадку в горах на востоке?

— Какую?

— Мы с вами ездили туда верхами. Кругом отвесные скалы. Один проход только. Точно щель в котле, — беспорядочно ронял он.

— «Чертова дыра» по-здешнему. Там когда-то монастырь св. Бенедикта стоял, как в колодце.

— Вот-вот. Будем там завод ставить. Большой. Завтра утром, не говоря зачем, узнайте в городе. Нашему нотариусу должно быть известно, кому эта каменная дыра принадлежит.

— Господу Богу, верно. Голое место. Одни совы в развалинах. Туда ведь и добраться все равно, что на стену лезть.

Алехин вышел.

Прохлада ночи освежила его пылавшее лицо. Он задышал ровнее. Волнение улеглось. Взял себя в руки и, чтобы совсем успокоиться, пошел домой кружным путем. Молочный свет полного месяца жидко дымился в низинах направо. В нем плавали вершины старых орешников и дубов. Здесь, наверху, было ясно. Четко намечали путь кипарисы, черными тенями резко ложась через дорогу. Алехин то пропадавал в них, то выходил на лунные площадки и так же четко за ним следовала его тень. Лучиолы трепетали в кустах. Вон его любимая магнолия. Сквозь темный блеск ее листьев бледными призрачными лицами смотрят большие цветы. От их густогопряного дыхания холонет сердце. Его сад заснул в лунном молчании. Только какая-то птица нет-нет да и крикнет. Чудесный уголок. Алехин шарил в памяти, кто это назвал такую тишину музыкальной. Нелепо, а как идет к ней. Лунная... музыкальная. Ее слушаешь, как музыку, молча, затаив дыхание. Месяц светит прямо на веранду... На ней белый силуэт.

— Юю!..

— Ты?

— Сойди сюда. Будем слушать лунную тишину.

И засмеялся. Не идет к нему. Это бы Петру Федоровичу. Его ученик. Из него ничего не выйдет. В высшей математике, как слепой в лесу. Во все деревья лбом стучится. И потом стихи пишет. Кому это нужно? Стихи — детская корь. А у Алехина и ее не было. Без нее обошелся.

Белый силуэт скользит к нему в благоуханном воздухе. Алехину захотелось лечь, чтобы она ступила на него, прошла по нему. Ее одну за весь мир, за всю власть над ним не отдаст.

IV.

Алехин всегда спал, открыв окна. Задышался без свежего воздуха. Митя с женой рядом в большой высокой спальне... Сегодня лунный свет широкими полосами ложился сю-

да и на нем во весь пол трепетали узорчатым рисунком тонкие тени переплетавшихся деревьев. Их легкое движение, движение теней, наполняло все призрачной жизнью. Точно воскресало таинственное, замиравшее днем. Из сада шорох и шелест. Изредка мерные взмахи крыльев. И на стене скользили черные отражения их. Далеко плакал филин.

Алехин начал было засыпать, когда легкий топот маленьких босых ножек заставил его насторожиться. Открыл глаза: в дверях крохотная фигурка в длинной белой рубашонке.

— Ты что это, Митя?

Ребенок с видом заговорщика прижал палец к губам.

— Тише, папчик, маму разбудишь. Я к тебе.

Влез на кровать к отцу. Забился к нему под одеяло. Взял его руку и обвинил себе шею. И сейчас же сладко засопел, засыпая. Алехин старался не шевелиться, чтобы не разбудить. О весь еще был полон удачей сегодняшнего опыта и обдумывал постройку завода в «чертовой дыре». Какое удачное название! Народ всегда умеет метко окрестить. В самом деле: если смотреть сверху, с темени скалистой горы, — настоящая дыра. По местной легенде, здесь пряталась нечистая сила. Св. Георгий разрубил к ней гранитную стену так, что только его конь мог пройти сюда. Монастыря уже двести лет как не было. На голом утесе инокам нечего было делать. Их башни серые точно выросли из серого утеса. Когда-то обитатели были теми же замками, а монахи воинами. И теперь его завод будет похож на крепость. Стройка пойдет в высоту. Все сообщение с внешним миром через трещину, которую замкнет казарма рабочих. Никому постороннему нельзя будет проникнуть в это святое святых его будущей твердыни. Он знал, что большевики задались целью во что бы то ни стало проникнуть в его боевые тайны. Но ему смешны были их попытки. Пример погибшего авиатора отучил их от них. Ну а скал им не проточить никак. Над заводом будет зарево. К этому здесь привыкли. Придется все-таки что-нибудь придумать, чтобы обесцветить отработавший газ.

Митя уперся ножкой ему в бок. Алехин отодвинулся и подвернул под него одеяло. Ребенок что-то буркнул со сна. Какая прелесть! Славно и здорово растет его дофин. Какую власть над всем живущим и дышащим, какое могущество оставит ему отец. О, ему не придется завоевывать себе каждый шаг в жизни, работать, как Алехину. Нет такой блистательной короны в мире, которая бы равнялась ожидающей его. Какие императоры и цари, если они еще останутся, не позавидуют новой, вовсе уже не геральдической династии, выросшей из самых недр народа — Алехиных. Да, мечта идеалистов, вероучителей и философов, вечный мир и единое человечество на земле, вот она — осуществленная в его власти. Правда, прежде чем этот рай на земле станет явью — будет много жертв и страданий. Моря крови! Да ведь ничто великое не достается даром. Народам к намеченной цели придется пройти крестным путем... *Ad aspera per astra*. И христианство учит — не воскреснет, аще не умрет. Прежде его удерживала жалость к муке и ранней смерти ближних, но с этим надо покончить раз навсегда. Он работает не для сегодняшних муравьиных куч, а для гигантских задач ослепительного будущего.

Оно и только оно оправдывает его память.

Маленькая ручонка легла на его щеку. Он повернулся к ней и поцеловал ее.

Еще минута, и мысли точно погасли в его голове. Он уже не слышал дыхания Мити, шороха и шелеста за окном. В спальню влетела летучая мышь, шлепнулась о белую стену, ударилась в другую, затрепетала мягкими крыльями у потолка и сквозь лунный луч унеслась в синюю темень теплой ночи...

V.

Бездонность вверх и вниз. Бескрайность кругом.... Только солнце. Изредка жемчужное облачко и по нему стремительно несется тень воздушного корабля. Тишина. Стихий-

ная, вечная. Старые пропеллеры, наполнявшие ее мерными размахами, давно сданы в музей. Надземные эскадры беззвучно плавают в лазурных безднах. Скорее расслышишь орлиные крылья. Да, в эти выси и орлам не взвиться. Каюта из особого толстого несокрушимого стекла. Сквозь все видно. Тонкий платиновый руль мягко вращается в своем гнезде. Таблицы с постоянно меняющимися цифрами показывают, как низко океан и как велика скорость. Там, может быть, беснуется циклон и гонит бешеные валы. Отсюда их не видать. На этой высоте не заметно даже и морщинок. Темно-синяя гладь. Никакой дымок не стелется по ней. Пароходы в бурю шторм ходят под водой. Человечество победило воздух и таинственное царство глубин. Теперь никто не веряет свою судьбу их волнующейся поверхности. Только в безветрие поднимаются на ее синее зеркало.

Вооруженные сильными предохранителями громадные суда уже не боятся подводных скал и хребтов. Да и дно так изучено и нанесено на карты, как прежде топография островов и континентов. Буревестники, альбатросы и чайки, перелетные стаи уже никого в непогоды не встречают на морских путях. Еще недавно китоловы на неуклюжих черных пароходах бороздили океан. Теперь и они часто бьют морского зверя, ослепляя его электрическими солнцами в темных безднах океана, да и тьма на подводных магистралях побеждена. У самого дна и на отвесах его скал горят вечные маяки. Кое-где бездействуют железные кабели старых телеграфов. Лежат, облепленные раковинами и обвитые цепкой порослью. Теперь радиостанции все на высоте. Завоеванные человечеством полюсы один с другим переговариваются телефонами. В одну сотую секунды слово обегает меридианы и параллельные круги. Из Саравака (Борнео) в Макапа к устьям Амазонки люди не только беседуют, но и видят друг друга, точно их не отделяет чудовищная выпуклость нашей планеты. И под водой то же. Везде неотъемлемое царство человека.

Каждую сотню метров высоты Алехину отмечает предупредительный звонок и отчеркивает стрелка на табличке перед ним. Резервуары сжатого кислорода распы-

ляют его в разреженный воздух. Дышится легко. Воздушный пловец чувствует себя, как дома. Давно не был у себя и спешит теперь к своим. Там сейчас весна, все в цвету и в радости. Даже голые скалы в рододендронах кажутся пурпурными. Чудесно. Юю в любимом уголке у кипарисов, еще не успевшая загореть, и Митя с нею. Алехин все время так был занят, что и не переговаривался с ними. Пришлось бы пользоваться чужими телефонами или заводским далеко от его дома. У себя еще год назад снял их. Слишком ему мешали незванные, назойливые и вовсе ему ненужные собеседники. От одних репортеров отбоя не было. И он, шутя, говорил жене: «Филлоксеру и всяких кузек уничтожил, а на репортеров никакого газа еще не нашел». Громадная карта была перед ним. Остроумный механизм отмечал на ней — где сейчас пролетает он. Там вспыхивали огоньки. Он рассчитал, оставалось недалеко. Каких-нибудь две тысячи миль — и ночи не пройдет. Волнение близкого счастья охватило его. Он задышал часто-часто и протянул руки, точно обнимая кого-то.

Да, все, о чем мечтал он, сбывается, как в старой волшебной сказке. А впрочем, далеко сказкам до этой яви. Гений перескочил всякую фантазию. Куда арабам до того, что творится кругом. Правда, джиннов не ловят в бутылки и соломоновых печатей на пробках нет, но этот изумительный век отменил духов. Осмеянные и униженные, они Бог весть куда ушли от освобожденного человечества. Где-нибудь внутри Африки или в верховьях Амазонки еще трепещет оно перед старыми пугалами. Да и то едва ли. Школа ведь делает свое. И в последний раз, когда он читал лекцию в Рио-Жанейро, провода соединили его с бесчисленными слушателями всего земного шара. Он видел среди них: еще полвека назад диких горцев Килиманджаро в Африке и Мараккуа в верховьях Юрца, в Южной Америке. Люди победили не только природу, но и суеверия. А он, Алехин, победил людей. На их же счастье! От полюса до полюса отныне одна власть и одна сила. И горе тем племенам и царствам, которые станут на его дороге. «Мир во человецех и в небесах благоволение». Это еще недавно звучало, как пророчество,

но дни исполнились и оно уже перевоплощается в живую действительность.

Солнце садилось в розовый океан. Перламутровые облачка внизу пылают в огне чудесного заката... Скоро вспыхнут воздушные маяки — последнее слово его друга — американского изобретателя: ослепительные сферы, плавающие над землей. Еще недавно никто не верил такому достижению. Ничто, по-видимому, не связывало их с нею. Задача равновесия на данной высоте двух сил, центробежной и центростремительной, была разрешена. Ведь прадеды в темные эпохи истории также не могли поверить детским игрушкам — пару и электричеству... Всю стеклянную каюту залило прощальным золотым светом... Океан остался позади. Резко и четко окраились берега старой Европы. Там тоже вспыхнули маяки. Теперь береговые нужны только мелким рыбакам, еще шныряющим кое-где. Облака внизу потянулись на запад вслед за уходящим солнцем. Алехин двумя плавными виражами опустилсЯ ниже. Последняя огнистая черточка дневного светила. Вершины Пиренеев гаснут, только одна, точно жертвенник, посылает отблески в темнеющее небо. Вот и приморские Альпы, серебряными очагами ледников кажутся из своей бездны...

Вспыхнули и разгорелись воздушные маяки. Чуть колыхаются над миром. Одного еще не дало им искусство. Не пришло на помощь науке. Свет их слишком недвижим. В его сердце нет трепета жизни. Он все залил кругом, но в нем не бьются пульсы настоящей природы. Сказка, настоящая сказка. Алехин не понимает. Грезит он или нет? Не снится ли ему все это? Даже его знания не могут допустить этого... Как ветер не уносит пылающих сфер? Что удерживает их на одном месте? Внизу из мрака выступили долины и горы. Там тоже сочетания маяков светятся созвездиями. Все, как на ладони. Белые в их сиянии города. И, точно светляки, во все концы носятся воздушные суда победившего пространство человечества. Носятся, встречаясь, огибая друг друга, переплетаясь в серебряные сети, разбегаясь во все стороны и разбрасывая кругом тонкие лучи прожекторов.

Алехин взял еще ниже.

Сегодня должно быть полнолуние, но как бессильно оно. Месяц плывет в пока недостижимых безднах, бледный, мертвый. Точно тускнеет в блеске маяков и аэропланов. Вон огненный кит: среди мелких рыбешек проплыл вниз, свертывая сотнями окон, громадный цеппелин. Человечество сохранило за ним имя первого строителя. Звезд не видно. Чтобы различить их из этой бескрайности зажженного людьми света, надо подняться еще выше, выше, в мертвящий холод разреженного до крайности воздуха. Тысячи лучи огибали мелькают мимо вниз и вверх, на минуту встречаясь лучами с Алехиным. И в каждом из этих светляков бьются человеческие сердца и зорко меряет дали — внимательный глаз.

Уже много лет, как был изобретен отталкивающий предохранительный прибор для них и роковые катастрофы случаются только в отсталых странах, довольствующихся пока старыми машинами. Легко воспламенявшийся бензин заменен газом, изобретенным русским ученым Мечниковым, потомком славного биолога.

Алехину кажется, что он несется теперь в паутине серебряных лучей. Только эта паутина не в плоскости, а охватывает его отовсюду — и сверху и снизу. Он спустился к Монте-Роза... Кругом Монблан, Сан-Готард, Симплон. Старый поэт сравнил их с алмазами в Божьих перстнях. Жалкое сравнение. Великому Демиургу вселенной и Сириус был бы тускл и бледен.

Что это?

Почему так поредела лучистая паутина?

Все меньше и меньше воздушных аппаратов.

Еще полчаса и Алехину показалась, что он нырнул глубоко в какую-то тьму.

Тревожно всмотрелся.

После оставленного позади слепящего света надо было привыкнуть этому сумраку... И воздушных маяков нет. Луна выступила из мрака и звезды загорелись. Но как это жалко в сравнении с тем, что еще недавно сверкало кругом. Так ли он взял направление? Посмотрел на карту. Розовые искры показывают Милан, пересекают Адиж у Вероны. Вспы-

хивают над Брентой. Вон там должен быть царственный музей великого прошлого — спящая в мраморах и бронзах Венеция... Горы Фриуля. Что случилось? Почему погас торжествующий свет Запада?

Тусклая Адриатика...

Куда же делись Триест, Фиуме?

Он ничего не понимал. Там — рай земной. Сплошной сад Хорватии и Славонии. Жизнь кипела вовсю. Та огненная сеть маяков, которую он миновал, должна была бы даже в эти поздние часы слепить его. А тут только его резкий свет падает в меланхолическую бездну, где ни один огонек из сел и городов не мерещится ему. Ярко выступили звезды. Меч Сириуса зловеще и грозно повис над мертвым миром. Печальная луна опускалась к горизонту, багровея, точно она в кровь окунулась... А земля? Почему она мерцает странным, стальным мертвым отсветом? Именно стальным. Точно она закована в вороненные латы. Вот там должна быть река. Исчезла? Земля, что ли, высосала ее, оставив изорванные железные берега? Старые башни памятного ему замка. Остались, но ни клочка зелени на них. А еще недавно с их зубцов и карнизов свешивался плющ, как бархатная рыцарская мантия. И на бойницах и грозницах темно. Огней нигде. На умершей планете остается разнообразие красок, оттенков. Тут только один стальной налет.

Еще снизился.

Впечатление мертвой земли сильнее. Вон там были чудные рощи с многовековыми зелеными мохнатыми богами мощных дубов, во все стороны простиравших благословляющие ветви. От них голые стволы. Вершины обгорели? Нет, не обгорели. Если бы так — чернели бы, как уголь, а эти тоже в стальном налете... Где же люди, животные?

Еще несколько виражей.

Чуть не касается земли. Зловещая тишина. Ничто не шелохнется. На его воздушный корабль залаяла бы собака, испуганно, сторожко бросая свое отрывистое «берегись»... Нет. В древнем Аиде, в царстве теней хотя бы призраки скользили. А тут и призраков нет. Тут и смерти нет, потому что нечему умирать...

Взвился опять. Скорее бы домой. Утренняя звезда сверкает, как голубой бриллиант. На востоке розовеет. Ни одного облачка. В рождающемся дне дали раздвинулись. Еще ужаснее тусклая стальная кора земли. Он бросил снаряд из автоматической пушки. Грохот во все стороны... Треск разрыва. Эхо повторило. Мертвое, странное. Точно волны звуков ударились в металлические стены. И никто опять внизу не шевельнулся. Никого это не разбудило.

Сердце сжалось от еще не определившегося ожидания...

VI

Алехин посмотрел карту. Розовые огоньки отмечали на ней города и села. Глядя вниз, он видел отблеск стали, как будто эту красоту человеческого строительства покрыли одним металлическим футляром. Просветлевшее небо загоралось радужно. Но в нем ни одной птицы. Солнце скоро поднялось и на железной коре погибшего мира засияло холодными сухими отблесками. Сердце Алехина сдалось. Точно оно билось в острых когтях. Передвинул радиатор быстроты на высшую точку. В резервуаре двигателя газа — захрипело. Слышался свист воздуха, рассекаемого аппаратом. На севере опять выступили вершины гор. Снеговая кайма их золотым зигзагом прорезала безоблачное небо... Снеговая. Остались ледники? Влага — значит жизнь. Там, верно, зелень, и цветы, и белые стены людских гнезд, и пение птиц, и говор ручьев. И благодатные тени деревьев в солнечных долинах. И дыхание полей... И нет противного кислого запаха стали.

Скорее... Скорее домой... Домой!

Указатель скорости закачался, как маятник... Стало опасно. Алехин передвинул назад... Указатель успокоился и только слегка вздрагивал в стеклянной коробке.

Делалось жарко... Алехин опустил шелковую занавеску. Все в кабине утонуло в глубокой тени.

Домой!

Да где же он, дом?

Налево четкая кайма знакомых вершин. Вон и скалы, где в чертовой дыре должен быть его завод. Над ним ни дымка, ни отсвета. Рощи? Изумительные по мощи и красоте рощи, где каждое дерево, как царь, одиноко стоит посреди своей зеленой площадки и помнит времена крестовых походов. Сады?.. Древний город весь в башнях, воздвигнутых Римом цезарей; башнях, которых средневековые точно броней одело барельефами?.. За городом его владения. Его чудесные парки. В прохладной и ароматной тени их сейчас же должны быть и Юю и Митя. Не ошибся же он — тут это, тут. Вон каменный перст, указующий небо — утес св. Николая. И к нему лестница гигантов — ступени доломитов.

Да, это тут... тут... Сейчас... Сию минуту...

И везде железная кора. Стальной блеск. И в воздухе, уже накалившемся под солнцем, тот же кисловатый запах стали.

С головокружительной быстротой, едва управляя рулем — руки дрожат и сердце холонет — Алехин широкими кругами спускается к земле, его земле. Уже не смотрит на розовый огонек карты. Его не уловить сейчас. Пульс регулятора тоже не усчитаешь. Весь в сплошном треске... Только над своим прудом Алехин пришел в себя и повернул рычаг предохранителя... Прудом... В который так четко смотрелись лавры и магнолии... Дом... Белый в террасах... Плоская кровля вся в азотеях... Балконы... Да где же все это? Стальная потрескавшаяся кора хранит еще их очертания, но и там нет жизни, нет движения.

Машина уже бежит по твердой почве. Мягко скользят ее колеса...

Алехин выскакивает. Оглядывается. Земля под ним звенит, как сталь и как сталь накалилась. Жжет подошвы.

— Тут.. тут ведь было... Где же... Где?'

Кричит во всю мочь. Даль отзывается опять, как стальная стена. Далеко уносятся странные звуки... Чу? Чей это голос? Ответ ему?

Повернулся туда... Никого... Его старые кипарисы. Стоят длинными иглами в высь, ни хвои, ни ветвей. Стальные

иглы. От древней аллеи — железные пни. Солнце везде. Раскаляет и непроницаемую кору земли и остов сказочного сада. Остро сверкает на стальной земле, отражается на стальных стенах мертвого дома... Под ногами? Алехин ткнул ногой. Приросло. Неужели его остроносый шпиг? И тоже твердый, как металл... Ударил... Звенит. Холодный ужас перед чем-то роковым, неисправимым, неизменным... Хочет крикнуть — хрипит. С болью вырываются звуки... И на хрип ему отзывается кто-то...

Бежит туда.

Дыра в землю...

— Сергеев... Вы?

Сергеев шелохнулся... Показывает в колодезь.

— Там... Там... Все вас ждали.

Плохо различимые ступени. Только верхние видны.

— Жена... ребенок.

— Там... Там.

Колодезь был когда-то... В глубине чуть ли не пятидесяти саженей, не доходя до воды, погреб. Вырыт в незапамятную старь. Сказывают: народ прятался от диких тогда мадьяр, потом от турок... Алехин стремительно спускается. Чудо, как не скользнет. Ведь от ужаса, от предчувствия чего-то страшного, еще более страшного, чем вся эта железная сказка, ноги срываются. Едва-едва дрожащие руки схватываются за кольца в стене. Внизу слабый-слабый мерещится желтым пятном свет. Оттуда рыдания, вопли, голоса, прерываемые истерическим криком, безумием. Визгивания, точно хлещут бичами живое тело... Проклятия. Не распахнулись ли врата в ад, веру в который давно утратило человечество?

— Юлия... Юю... Юлия... Жива?...

Исхудавшая. Желтый скелет... цепко хватается за него. Вокруг его шеи смыкаются когти, а не руки. Она... Неужели она? Его Юлия? Точно в черепе черные впадины. В черных впадинах сумасшествие. Не глаза, а красные угли. Огнем палят. Слабый желтый свет догорающей лампы на желтой коже, присохшей к черепу.

— Митя?... Митя?..

Костлявая кисть стискивает ему пальцы... Тянет в сторону.

— Вот... Вот...

Сбрасывает что-то.

— Митя... Митя!.. Митя!

Железное тело... Очертания ребенка...

— Далеко был... Спасти не могли. Потом нашли... каменного. В нем еще билось, билось.

— Что билось?

— Сердце.

— Митя... Митя!..

— Что ты кричишь, папа... Я никуда не ушел... Я здесь.

— Ты... ты... живой... не железный?

Ребенок с испугом отодвинулся.

Солнце В окна. Алехин жмурится. Вот оно, мягкое, теплое тельце рядом. Алехин схватил его. Ощупывает руки... ножки... Живое, живое, нежное... Отбивается.

— Не шекоти, папочка... Ай!

Сон? Только сон. Волна радости кружит голову.

— Это ты кричишь, что с тобой?

В дверях Юю... Розовая, свежая, как это утро. Ветви шелестят в окно. Одна оттуда в спальне. Вся в цветах. Зеленоватый свет от деревьев заливает все. Зыблется на стенах. Какой чудесный аромат... Прохлада. Дрозды распелись в саду, щебечут синицы, воркуют горлицы, где-то во все горло хвастается петух. Фонтан звонко рассказывает вечную сагу.

Алехин подымается... Какое счастье! Каждый нерв, каждая жилка чувствует его.

— Фу ты! — точно отмахивается он ночных призраков.

Длинные синие тени кипарисов. Благоуханное «здравствуй» жасминов. Самовар закипает. Юю в белом пеньюаре наклонилась над чайником. Смеется.

— Никогда больше не дам тебе грибов на ночь.

— Какие тут грибы. Железные...

Митя взбирается к нему на колени. Болтает ножками. Шпиц принимает это за личную обиду. Тявкает на него. Алехин с наслаждением слушает песню самовара и птичий гомон. Смотрит на воробьев слетающих к столу. Любует-

ся ими. Особенно один бесхвостый. Боевой. Между своими, поди, считается героем. Никогда еще голос жены так не стучался в его сердце. Вдали в глуби аллеи показывается Петр Федорович с громадным белым букетом.

— Японские мукури распустились, — кричит издали. — Как пахнут!

— Зачем рвете! Сами говорите: им больно...

— Это для Юлии Александровны, Митя! — оправдывается студент.

— Для мамы? И для мамы все равно им больно.

С полей долетает песня. Как вольная птица купается в теплом воздухе. В стороне — другая... Обе сплетаются. АLEXIN с наслаждением слушает.

— На железной земле не поют.

— Что? На какой железной земле... Я о такой не слышала. Где она?

— Здесь и нигде... Впрочем, успокойся... Это все от грибов, — засмеялся он.

Юлия Александровна положила ему на лоб мягкую ладонь.

— Ты заработался. Тебе надо отдохнуть.

— Да, надо... надо... Я уже решил. Помнишь, мы читали о сказочном Багдаде и великолепной некогда Бассоре? Так вот... Хорошо на время отойти от... культуры... Опроститься... на полгода уедем... Египет. Месопотамия... Туда, где сливаются библейские реки Тигр и Евфрат. К Шат-Эль-Арабу. В мусульманскую нирвану. В царство предопределения... К людям XIX-го века, если они еще остались на земле.

* * *

— Слушайте, Сергеев... Вот эту разобрать и развинтить надо...

— Посылать будете куда?

— К черту на рога. Хорошо, что вы вчера погасили. Холодная!

Собрал в папку с надписью «железная земля» вычисления для новой адской машины, чертежи, сметы, заметки, рисунки. Весь ее послужной список. И подошел к ярко разгоревшемуся камину. Остановился... Вот оно здесь в руках — его власть над миром, небывалое могущество, честолюбивые мечты, все, что заставило бы народы земли преклониться перед его единой волей. И какой ценою! Три года работал. Над чем! Железная земля. Вся в стальной коре. Мертвая, как застывшая планета.

Оглянулся. В открытый окна далеко раскидывался сияющий, ликующий, цветущий божий мир. В чистой святой лазури тонули горы. Легкий ветерок с полей колыхал верхушки кипарисов.

Швырнул пачку в огонь. Взял щипцы и разворотил, когда она занялась. По чернеющим страницам бежали золотые строки. Листы свивались и корчились, прежде чем вспыхивали ярко. С ненавистью забивал их в раскаленный уголь.

— Туда и дорога!

«Жжет... Должно быть, не удалось! — сообразил Сергеев. — А сколько старался!»

И с сожалением покачал головой...

— Сейчас разбирать?

— Чем скорее, тем лучше.

— Посылать будете куда?

— Плавильня у нас работает?

— Да.

— Все туда. Уеду на полгода. Потом опять начнем... «Только по-новому...», — закончил он про себя.

VII.

Через год в Нью-Йорке съезд ученых и изобретателей со всего культурного мира. Собрались на этот невиданный праздник великаны ума и воображения, перед которыми давно преклонялось человечество. Зрители узнавали их по портретам. Эдисон, Маркони, Эйнштейн, Алехин, Резер-

форд и с ними молодые, уже занявшие почетное место в науке. Трудно было определить, кому слушатели громче и восторженнее аплодировали — тем ли, кто создавал гигантские страшные орудия для истребления человечества или работавшим над уничтожением до тех пор непобедимых эпидемий и бедствий, над творчеством новых путей к счастью, богатству и благополучию всех племен и народов нашей злополучной земли. Боевые легенды еще отуманивали умы. В переживших былых богатырей преданиях о жертвенном мужестве, слепящих подвигах, рыцарстве сияло столько старой красоты, что слушатели забывали ужас, беспощадность и стихийность новой войны. Когда то она была поединком, теперь стала решением технических задач... издали. Благородство, личное самоотвержение примера и показа были вычеркнуты из страниц современного Плутарха. Противники, зарываясь в землю, захлебываясь кровью, задыхаясь в корчах от смертельных газов, миллионами гибли, даже не видя одни других. Не было восторга мести, ненависти... Шли, как бараны на убой, оставляя позади нищету сиротевших семей, которым не могло помочь государство даже в случае победы. На это ведь не хватило бы никаких средств! Разрушались и не воскресали города. Сады земли обращались в бесплодные пустыни. Землю некому было обрабатывать. Вслед за жертвами этой новой войны шли тюрьма, виселица и проституция. Суворовых, Скобелевых, Наполеонов и Мольтке сменили кабинетные ученые. Их совесть и сердце молчали, для них битва была решением той или другой теоремы и ее применения на боевых полях они не видели. Из своих кабинетов они направляли удары за сотни и тысячи верст на рубежи, где, как черви в земле, зарывались неприятельские армии. И там, где когда-то, «во времена варварства», струились ручьи крови, теперь разливались моря ее...

Громадная арена с тысячами слушателей.

Ее гигантский купол — чудо архитектуры — тонул в высоте. Оптические зеркала сосредоточивали здесь слушателей других континентов. Раздвигали стены ее в бесконечность. И когда на монументальную кафедру взошел Алехин,

казалось, стихийный циклон рукоплесканий пронесся по целому миру. До него все говорили о своих открытиях, о новых найденных ими или завоеванных законах недоступной до тех пор природы, о головокружительных экскурсиях в таинственнейшие области знания, о смелых взлетах мысли — в звездные недосыгаемости. О том, что было уже сделано их гением и о путях, намеченных ими в будущем. Было только что закончено исследование Саргасского моря, найдены следы поглощенных океаном цивилизаций. Само дно, на той глубине, где, как прежде думали, в вечной тьме прекращается животная и растительная жизнь, нанесено на карты. В их мистически страшных тайнах найдены, зарисованы и исследованы сказочные чудовища... Змеиные дебри Юкатана были открытой книгой, в которой сегодняшний читатель перелистывал страницы Атлантиды. Падение на землю малой планеты, давшей нашему миру Австралию, из фантазий поэта стало научной истиной.

— Я не буду, — начал Алехин, — говорить о том, что я создал и собираюсь создать в будущем. Я скажу о том, как я уничтожил созданное мною. Пришла пора крикнуть некоторым ученым: ни шагу дальше!.. Остановись, наука, и не работай дальше, воображение! Я говорю о той, которая творит могущественные орудия для истребления жизни на земле. Есть предел, за которым гений делается преступлением. И чем первый выше, тем второе ужаснее и отвратительнее. Передо мною великий германский ученый сообщил вам, что в его лаборатории таится средство, которое даст возможность его родине взорвать пространства, равные, например, Дании или Голландии, похоронив в бездне небывалого катаклизма целый народ — миллионы миров, потому что каждый человек есть мир. Целый народ с его великой старой культурой, давшей столько красоты и счастья миру. И вы аплодировали громче и единодушнее, чем еще более великому, несравненному профессору Беляеву, моему соотечественнику, открытия которого навсегда победили казавшиеся вечными и неодолимыми бичи человечества — рак, проказу и чахотку... Я не останавливаюсь на этом. Дело вашей совести и ума поклоняться одинаково и

творчеству истребления и творчеству созидания.

Я год тому назад построил аппарат и заставил служить ему еще неведомые вам силы. Они отдавали в мою власть всю нашу планету. Я мог любые пространства на ней, с их городами и селами, нивами, садами, и фабриками, и заводами, со всем, что в течение тысячелетий упорным трудом создали благодетельный гений ученого и мозолистые руки рабочего, покрыть непроницаемой корой. Железным саваном смерти! Вот вам ее образец. Это чернозем, который вы могли растирать пальцами, как масло.

Алехин передал вниз комья, отливавшие стальным блеском, состоявшие из чего-то мелкозернистого. В них были видны ожелезившиеся корни и трава...

— В эту кору на глубину нескольких метров могла бы обратиться вся поверхность страны со всем живым и дышащим. Ведь все дело в принципе, в формуле — а размеры его применения даст уже лаборатория, опыт, усовершенствование. Это дело второстепенное, прикладное. Мое открытие, повторяю, бросало в мои руки всю полноту власти над человечеством. И знаете, что я сделал? В ту минуту, когда научная задача, замысел, если хотите, мечта воплотились в неоспоримую действительность — я уничтожил это новое, страшное оружие, это, по-вашему, великое достижение... Я сжег все вычисления, опыты, чертежи, я разбил механизм и отправил его в плавильню. Я отказался от могущества, от непобедимости, от стихийной власти над вами. Я не думаю, чтобы мой пример остановил злых гениев человечества. Они будут работать не на благо его, а на гибель до тех пор, пока не родится Вельзевул науки, соперник Бога-творца. Стринберговский демон, который найдет способ зарядить и взорвать нашу несчастную планету. Наш русский поэт сказал когда-то: «Царство науки не знает предела!» Не знает его ни в добре, ни в зле! И если бы наше всемирное торжественное собрание имело законодательную силу для всех племен и народов, я внес бы единственное для спасения жизни на земле предложение: отныне всякого ученого, гения которого направлен на открытие и усовершенствование новых боевых средств к истреблению, судить и казнить, как

опаснейшего убийцу... Лавры — чистой святой науке. Гильотина, топор, виселица, электрический стул ее злодеям и преступникам...

Когда он сошел с кафедры — все кругом молчало.

Для него не нашлось рукоплесканий.

Презрительно оглядев всемирную лабораторию — Алехин кинул ей только одно слово:

— **Рабы!**

Прага

Комментарии

Все включенные в книгу произведения публикуются по указанным ниже изданиям с исправлением наиболее очевидных опечаток; орфографии и пунктуация приближены к современным нормам. В оформлении обложки использована работа Ф. Мазереля.

В. Никифоров-Волгин. Кошмар

Нарвский листок, 1928, № 9, 31 января, за подписью «В. Волгин».

В. И. Никифоров-Волгин (1900/1901-1941) – нарвский русский писатель, журналист. Закончил церковно-приходскую школу при Свято-Владимирском братстве. Был псаломщиком в Спасо-Преображенском соборе (до 1932 г.). С 1923 г. сотрудничал в нарвских газетах. Соредактор газ. *Новый нарвский листок* (1926-27), журн. *Полевые цветы* (1930). С 1927 г. один из учредителей и руководитель лит. кружка русского спортивно-просветительного о-ва «Святогор» (с 1927). Публиковался также в финляндских, таллиннских, рижских газ. и журн. (с 1935 – регулярный автор газ. *Сегодня*). Автор сб. рассказов *Земля именинница* (1937), *Дорожный посох* (1938). В мае 1941 г. был арестован органами НКВД, в августе 1941 г. в Кирове приговорен к расстрелу за книги антисоветского содержания, расстрелян 14 декабря 1941 г.

С. 10. *Чубаровщина* – Нашумевшее дело о групповом изнасиловании в Чубаровом переулке в Ленинграде (1926). Среди 20 с лишним насильников оказались несколько комсомольцев и секретарь комячейки завода «Кооператор»; семеро обвиняемых были приговорены к расстрелу (приговор в отношении двоих был впоследствии смягчен), остальные – к разным срокам заключения. Слово «чубаровщина» стало нарицательным в языке 20-30-х гг. как символ хулиганства, половой распущенности и разложения нравов среди молодежи.

Н. Смирнова. Фантазия и реализм

Нарвский листок, 1923, № 43, 18 августа, за подписью «Нонна Смирнова».

С. 14. ...*фантастический рассказ... докторе Черном* – Подобный рассказ не выявлен. Не исключено, что автор контаминирует фантастический роман А. Барченко «Доктор Черный» (1913) с каким-либо другим произведением.

Представители науки и спорта...

Нарвский листок, 1928, № 17, 28 февраля.

С. Серый. На святках

Нарвский листок, 1925, № 5 (111), 13 января.

Сергей Серый (1888–1941) – псевдоним журналиста и общественного деятеля С. С. Сергеева. Выходец из крестьян, участник Первой мировой войны. С 1918 г. жил в Эстонии, работал в Нарве на лесопрядильной фабрике. Участник ряда общественных объединений. Публиковался почти во всех нарвских газетах, лит. альманахах, редактировал и издавал газ. *Принаровский край* (1930) и юморический журн. *Хлыст* (1931). В июне 1941 г. был арестован органами НКВД, в ноябре умер в лагере.

А. Аверченко. Выходец с того света

Публикуется по первому кн. изд.: *Аверченко А. Отдых на крапиве: Новая книга рассказов*. Варшава, 1924.

И. Матусевич. Пар – душа человечья

Сегодня (Рига), 1925, № 20, 25 января.

И. Матусевич (1879 – после 1940) – художник, писатель, журналист. Изучал изобразительное искусство в Одессе и Москве. Был выслан из советской России на «философском пароходе» в конце сентября 1922 г. В эмиграции жил в Берлине, публиковался в периодике. Был арестован гестапо и погиб, очевидно, в нацистских застенках.

Остров затонувших кораблей

Нарвский листок, 1925, № 45 (151), 25 апреля.

О превращениях с одного пола в другой

Нарвский листок, 1925, № 56 (162), 26 мая.

А. Куприн. Суд

Нарвский листок, 1925, № 26 (132), 7 марта.

«Удар смерти» ужасное изобретение

Нарвский листок, 1925, № 86 (192), 18 августа.

В. Никифоров-Волгин. Лучи смерти

Нарвский листок, 1925, № 63 (169), 16 июня, за подписью «В. В.».

В. Никифоров-Волгин. Колдунья

Нарвский листок, 1925, № 123 (229), 26 декабря, за подписью «В. Волгин».

В. Бельский. Думы покойника

Нарвский листок, 1923, № 15, 2 июня.

Г. Алексеев. Человек и смерть

Сегодня (Рига), 1922, № 233, 15 октября.

Г. В. Алексеев (1892-1938) — писатель, выходец из семьи сельского учителя. Публиковаться начал в конце 1900-х гг. Участник Первой мировой войны (авиатор, травмирован при аварии самолета). В период Гражданской войны находился на Украине и юге России, работал в периодике. В эмиграции жил в Турции, Греции, Венгрии, Австрии, Югославии, с конца 1921 г. — в Берлине, где публиковался в журналах и был редактором «Книгоиздательства писателей в Берлине». Осенью 1923 г. покинул Берлин и вернулся в Москву. В 1938 г. был арестован и, как считается, либо умер в заточении, либо был расстрелян. Автор многочисленных сб. рассказов, книг очерков, нескольких романов; наиболее известное произведение — авантюрно-фантастическая повесть *Подземная Москва* (1925) о поисках библиотеки Ивана Грозного.

П. Потемкин. Смерть в клетке

Сегодня (Рига), 1923, № 288, 25 декабря.

П. П. Потемкин (1886-1926) — поэт, драматург, переводчик, критик, видный шахматист-любитель. Родился в Орле в семье гимназического учителя. Обучался в Санкт-Петербургском университете (физико-математический и историко-филологические факультеты), но был отчислен за невнесение платы. Публиковаться начал в 1905 г. в сатирических журналах, позднее был близок к «Миру искусства» и др. новаторам. Написал несколько пьес и скетчей для театров-кабаре «Бродячая собака» и «Летучая мышь». С 1921 — в эмиграции (Прага, Париж). В эмиграции переводил чешских и немецких поэтов, выступал со стихами и критич. статьями. Автор сб. стихов *Смешная любовь* (1908), *Герань* (1912), *Отцветшая герань* (1923) и др.

Фантастические обещания американского врача

Впервые: *Старый нарвский листок*, 1929, № 47 (524), 30 апреля.

И. Лукаш. Путешествие на Марс

Сегодня (Рига), 1923, № 44, 25 февраля. Публикуется с незначительным сокращением неск. слов, связанным с дефектом доступного экз. издания.

И. С. Лукаш (1892-1940) – прозаик, поэт, драматург, критик, художник-иллюстратор. Родился в семье швейцара и натурщика петербургской Академии художеств. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Дебютировал как поэт-эзофутурист (сб. *Цветы ядовитые*, 1910). В период гражданской войны воевал в Добровольческой армии, печатался в газ. *Юг России*, *Голос Таврии*. В эмиграции с 1920 г., жил в Турции, Болгарии, Чехии, с 1922 г. в Берлине, с 1927 в Париже. Широко публиковался в периодике, выпустил в эмиграции ряд сборников рассказов и очерков, несколько исторических романов.

И. Лукаш. Потерянная ботфорта

Сегодня (Рига), 1923, № 222, 7 октября.

И. Лукаш. Табакерка

Сегодня (Рига), 1924, № 192, 26 августа.

С. 82. ...*втором абцуге фараона* – т. е. во время выкладывания на стол второй пары карт (абцуга) в азартной карточной игре, называемой «фараон» или «штосс».

С. 82. ...*графа Калиостро* – Личность графа Калиостро являлась в двадцатые годы предметом постоянного интереса Лукаша; см. его повесть «Граф Калиостро» (1925).

С. 82. ...*абшид* – увольнение со службы.

И. Лукаш. Летучий Голландец

Сегодня (Рига), 1923, № 288, 25 декабря.

Человек будущего

Старый нарвский листок, 1929, № 57 (534), 28 мая.

В. Немирович-Данченко. Клад великой царицы

Сегодня (Рига), 1922, № 291, 24 декабря.

Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936) – писатель, журналист, путешественник. Брат театрального деятеля В. Немировича-Данченко. Родился в Тифлисе в семье офицера, учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. Публиковался с 1860-гг. Военный корреспондент во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. (как участник боевых действий был награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами, русско-японской войны (1904–1905), Первой Балканской войны (1912–13); во время Первой мировой войны был на фронте в чине ротмистра. С 1921 г. – в эмиграции в Германии, затем Чехословакии. Чрезвычайно плодовитый писатель, оставил десятки книг этнографических и путевых очерков, военных и бытовых романов, рассказов, стихотворений.

В. Немирович-Данченко. Оазис прохладных вод

Сегодня (Рига), 1923, № 10, 14 января.

В. Немирович-Данченко. В пустыне

Сегодня (Рига), 1931, № 316, 15 ноября.

Что будет 1 января 2000 года

Старый нарвский листок, 1929, № 109 (586), 28 сентября.

В. Немирович-Данченко. В 2428 году

Сегодня (Рига), 1928, № 251, 16 сентября.

В. Немирович-Данченко. Железная земля

Сегодня (Рига), 1927, № 240 (23 октября) – № 243 (27 октября).

С. 142. *Глядя вниз...футляром* – В оригинальной публ. в этой фразе лакуна, фраза реконструирована по смыслу.

Оглавление

В. Никифоров-Волгин. Кошмар	6
Н. Смирнова. Фантазия и реализм	11
<i>Представители науки и спорта...</i>	15
С. Серый. На святках	16
А. Аверченко. Выходец с того света	21
И. Матусевич. Пар – душа человечья	27
<i>Остров затонувших кораблей</i>	31
<i>О превращениях с одного пола в другой</i>	31
А. Куприн. Суд	32
<i>«Удар смерти» ужасное изобретение</i>	38
В. Никифоров-Волгин. Лучи смерти	39
В. Никифоров-Волгин. Колдунья	41
В. Бельский. Думы покойника	45
Г. Алексеев. Человек и смерть	50
П. Потемкин. Смерть в клетке	53
<i>Фантастические обещания американского врача</i>	64
И. Лукаш. Путешествие на Марс	65
И. Лукаш. Потерянная ботфорта	73

И. Лукаш. Табакерка	78
И. Лукаш. Летучий Голландец	82
<i>Человек будущего</i>	89
В. Немирович-Данченко. Клад великой царицы	90
В. Немирович-Данченко. Оазис прохладных вод	96
В. Немирович-Данченко. В пустыне	105
<i>Что будет 1 января 2000 года</i>	115
В. Немирович-Данченко. В 2428 году	116
В. Немирович-Данченко. Железная земля	122
Комментарии	150

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.